
БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
Вып. 24

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

Выпуск двадцать четвёртый

Свердловское
Книжное Издательство
1956

Владимир Шустов *Рисунки В. Бубенщикова*

(Главы из повести)

Наши читатели знают первую книгу молодого свердловского писателя Владимира Шустова «Тайна горы Крутой». Она была издана Свердловским книжным издательством в 1953 и 1955 годах.

Сейчас В. Шустов работает над новой повестью «Карфагена» не будет!». В ней рассказывается о жизни и делах колхозных ребят. Вот коротко содержание повести.

В сентябре, когда в пионерских отрядах проводились отчётные сборы, ребята шестого класса Латрушинской семилетней школы избрали своим вожаком Никиту Якишева. Лёнька Колычев, который до этого был председателем совета отряда, воспринял выборы Никиты как личное оскорбление и дал слово во что бы то ни стало отомстить ему за свой «позор».

Лёнька договаривается со своими друзьями неотступно следить за каждым шагом Никиты и во всём ему вредить. Узнав, что Никита назначил пионерский сбор на воскресенье, Лёнька уводит часть пионеров кататься на лыжах с горы Лысой. Никита организует в школе кружок комбайнеров. Лёнька с друзьями выкрадывают схему комбайна, которая необходима для занятия. Никита с ребятами собирается в поход к Зелё-

ному плёсу, Лёнька сообщает пестовским ребятам, которые рыбачат здесь, что Никита будто бы собирается выловить всю рыбу в пруду. Сам же Лёнька вечером вытаскивает все пестовские снасти, а рыбу забирает себе. Пестовцы, думая, что это дело рук Никиты, встречают гостей градом камней...

Летом на горе Лысой отряд Никиты строит пионерский лагерь. Лёнька хочет учинить якишевцам «Карфаген», то есть разрушить лагерь.

Лёнькиным друзьям начинают не нравиться поступки их вожака, они постепенно оставляют его и присоединяются к Никите.

Ниже мы помещаем несколько глав новой повести В. Шустова «Карфагена» не будет!».

Всевидящий глаз

Часы показывали ровно шесть, а Костя всё не появлялся. Он опять бессовестно опаздывал. Никита и волновался, и возмущался. «Зачем давать слово, если не выполняешь его?» А у Кости такое случалось частенько. Бывало, пообещает явиться к определенному часу, слово даст, в грудь себя поколотит для пущей убедительности и... или опоздает, или вовсе не явится. Некоторые ребята из шестого «Б» оправдывали Костю. К таким особенно ярым защитникам можно было причислить звеньевую Алёнку Хворову.

— Нечего тебе, Никита, нападать на Костю. Костя у нас одарённая личность,— и эти слова она произносила без тени улыбки.— А все одарённые люди рассеянные, забывчивые. У них мозг другим делом занят.

— Каким это, интересно, другим делом? — не без иронии спрашивал в свою очередь Никита.

— Своим делом,— отвечала невозмутимо Алёнка. — Кто у нас лучше Кости рисует? Нет таких во всей деревне! Вот Костя и думает о картинах, а остальное забывает.

— Значит, он — одарённый?

— Одарённый!

Никита был непримиримым противником такого рода одаренных людей. Он считал, что если кто-нибудь из ребят сейчас опаздывает, вырастет — тоже опаздывать будет: привыкнет.

Поджидая Костю, Никита посматривал на стенные часы-ходики с железным грузом вместо гири, которые, казалось, умышленно тянули время. Скучно сидеть одному в комнате,

поговорить не с кем. Сесть за уроки? Но разве пойдёт что-нибудь на ум, если всё время думаешь о Косте? Договорились встретиться ровно в шесть, а сейчас уже пятнадцать минут седьмого.

Вечерело. Окна, разрисованные морозом, потемнели. В комнате тоже стало темно. Никита поднялся, зажёг свет и, достав с полки книгу, начал учить стихотворение Пушкина «Кинжал».

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...

Грустные размышления рассеялись. Никита ещё раз пробежал глазами первую строфу. «Как здорово получается! Слово «страж» — это всё равно, что слово «сторож». Так ведь? Так. А если подумать хорошенько? Разница между ними, да ещё какая! Страж — это грозный, могучий пограничник с автоматом на груди. Он день и ночь стережёт границу, ловит шпионов. А сторож — совсем другое. Сторож — это дед Ксенофонт, который караулит птицеферму. У деда Ксенофонта сивая реденькая бородка на манер козлиной, тулуп до пят, валенки с толстенными, как у водолазных ботинок, подмётками и старая берданка. Про своё оружие дед сам говорит, что изготовлено оно ещё при царе Горохе. Грозного и могучего в этом, конечно, маловато. Тут...»

На улице под окном звонко захрустел снег под чьими-то шагами. И всё стихло. Никита прислушался. О бревенчатую стену дома что-то стукнуло. Пискнули шарниры ставней. Никита решил пойти посмотреть, что происходит на улице, но вдруг заметил на белом квадрате морозного стекла крохотное — с копейку — чёрное пятнышко. Оно разрасталось. «Что это?» В кружочке, очищенном от морозных узоров, возник чёрный глаз. Никита так и замер, не в силах двинуться с места.

Таинственный глаз, сверкая белком, торопливо шарил по комнате. Он исследовал тёмный угол за печкой, скользнул по кровати, задержался на вешалке, как бы пересчитывая одеж-

ду... Никите стало вдруг очень холодно, но, несмотря на это, лоб, виски и спина покрылись потом. «Сейчас... Сейчас...»

И взгляды скрестились. Взгляд на взгляд! Сколько злобы прочёл в нём Никита! Когда оцепенение, вызванное неожиданным вторжением, прошло, Никита, думая узнать, кто это заглядывает в комнату, ринулся на улицу и в дверях столкнулся с Клюевым. Костя смущённо сопел, виновато улыбался и, переминаясь с ноги на ногу, оправдывался:

— Я, Никитка, честное слово, забыл... Книгу читал... Интересная книга попалась.

Никита видел, как шевелятся пухлые губы друга, но понять, что говорит он, не мог. «Неужели это Костя заглядывал в окно?» Сдерживая волнение, Никита как можно спокойнее произнёс:

— А я сразу узнал, что это ты.

— Что? — недоуменно спросил Костя, не понимая, о чём говорит Никита.

— Что ты в окно заглядываешь. Сразу догадался.

— В окно? — белёсые Костины брови поползли вверх.— Нет, Никитка, в окно я не заглядывал, я через калитку, сразу...

Никита, не дожидаясь, когда Костя закончит фразу, оттолкнул друга и выскочил за двери.

Лунный свет лежал на сугробах. Яркими звёздами мерцали освещенные окна домов. Где-то поскрипывали полозья саней, пофыркивали лошади и слышались приглушённые голоса. Никита одним прыжком преодолел частокол, подбежал к окну и начал внимательно изучать следы. Неизвестный носил сапоги — это нетрудно было определить по отпечаткам подошв на снегу. Перелезая забор, он оторвал доску... А дальше — всё... Пожалуй, и Шерлок Холмс — знаменитый сыщик — развёл бы руками. Чёрный глаз? Да мало ли черноглазых людей на свете! Никита старался найти хотя бы маломальскую примету, по которой можно было узнать незнакомца.

Косте надоело сидеть в кухне, поджидать друга, и он пустился на розыски. Он вышел за ворота и застал приятеля за странным занятием. Ползая на коленях по снегу, Никита что-то рассматривал. Костя через его плечо посмотрел на снег: «Следы какие-то. Интересно!»

— Что это ты на следы набросился? — спросил он.

Никита даже подскочил от неожиданности, но, увидев друга, успокоился и хмуро сказал:

— Доску кто-то у забора оторвал. Я и смотрю. Холодно-то как. Вот морозец!

Потерев ладонями замёрзшие уши, он зябко передёрнул плечами и направился к калитке.

— Почему слово не держишь? В шесть должен был придти, а теперь уже восьмой.

— Книгу читал, — забормотал Костя, — забыл, что надо в МТС идти. Мы, Никита, завтра сходим. Ладно?

— Ну, нет. Сегодня пойдем. Привыкай...

Костя пропустил замечание мимо ушей, вслед за другом поднялся на крыльцо и вошёл в жарко натопленную кухню. Стянув с головы треух, он принялся раздеваться.

— Полушубок не снимай, в МТС пойдем.

— Темно ведь... Поздно уже... Ветер...

— В другой раз слово держать будешь. Глухих ждёт? — Ждёт. Его мы не можем обманывать. Из-за тебя всё, одарённая личность! Эх, ты, а ещё староста кружка юных комбайнеров. Завтра занятие, а ты и в ус не дуешь. Надевай шапку!

Никита быстро собрался, присел к столу, написал на клочке бумаги, что все домашние дела сделаны, что по особо важному заданию он отправился в МТС часа на три-четыре, и придавил листок глиняной солонкой.

— Пошли! — он раскрыл перед Костей двери.

Встав на лыжи, ребята вышли за околицу.

До чего же красив ночью лес! Утопая в сугробах, стоят заснеженные деревья-великаны. Кажется, крикни, и начнут падать с мохнатых лапчатых ветвей пушистые шапки снега. Круглолицая луна льёт на землю нежный свет. Тени, то густые, как ночь, то бледные и неясные, как утренние сумерки, облекают всё таинственной и чудной дремой. На поляне разбросал следы заяц-беляк. Длинная цепочка лисьего следа протянулась вдоль живописной лесной опушки. Берегись, не спи, заяц!

Удивительно, столько лет прожил Костя в деревне, столько раз бывал в лесу и летом и зимой, а такой красоты не замечал.

— Никитка! Смотри, смотри: ёлочки-то в сугроб как попря-

тались! Красиво, а? А на ветках у сосен, смотри-ка, серебряные подушки. А вон-вон за поляной стог, как терем из сказки!

Но Якишев молчал. Легко скользя по укатанной лыжне, председатель совета отряда думал о таинственном незнакомце, о его чёрном, сверкающем злобой взгляде. «Кто бы это мог

быть? Лёнька? Но зачем ему понадобилось подсматривать в окно? Кто же? Кто?..»

А Костя не унимался. Вволю полюбовавшись природой, он заговорил о другом.

— Никитка, как в окно к тебе заглядывали? Расскажи. Я тебе всё рассказываю.

— Показалось мне.

Костя почувствовал, что товарищ умышленно уклоняется от разговора.

— А следы на снегу? Следы-то были? Я их видел.

— «Следы», «следы»! Сам понимать должен. Ребята днём ещё наследили. Мяч в палисадник залетел. Они и доску, должно быть, оторвали.

— Ой, Никитка, крутишь ты!

Разговор не клеился. Костя замолчал. Сосновый бор кончился. Лыжня привела ребят в густой ельник. Пробираясь сквозь чащу, Костя заметил, как слева в кустарнике мелькнуло что-то чёрное. «Почудилось», — подумал он, с опаской приглядываясь к тёмному частолесью. И опять что-то мелькнуло. Теперь Костя видел, что, прячась за деревьями, кто-то двигается параллельно лыжне. Он негромко позвал Никиту.

— Что ещё случилось?

— Никитка, — зашептал Костя, беспрестанно оглядываясь, — в ельнике кто-то прячется. Сам видел, как он от дерева к дереву перебегает. За нами вроде идёт.

— Там? — Никита подумал, посмотрел на друга и решительно повернул к ельнику.

Держа наготове палки, чтобы, если придётся, дружно отразить врага, ребята вдоль и поперёк исходили ельник, но ничего, кроме лыжного следа, не нашли.

— Эх, ты! — выговаривал осуждающе Никитка. — Мерещится тебе всякое.

— Я видел, Никитка, видел...

— Шагай уж, герой!

Костя обиделся, насупился и за всю дорогу не проронил больше ни слова. Молча вышли из лесу, молча миновали поляну, отделяющую мастерские МТС от посёлка, молча подошли к новенькому аккуратному домику с высоким крыльцом и ярко освещёнными окнами, сняли лыжи, поднялись на крыльцо и веником обмели с валенок снег. Никита постучался. Дверь открыл Илья Васильевич Глухих.

— Комбайнеры? Наконец-то. Милости прошу. Проходите, проходите. А я, грешным делом, подумал, что не дождусь вас сегодня.

— Он виноват, — Никита кивнул на Костю. — Он мастер опаздывать. Забывчивый очень.

— Книгу читал... Интересная попалась, — невнятно забормотал Костя, покрываясь краской стыда и умоляюще посматривая на Никиту: «Неужели одарённым обзовёт? Друг ещё!»

— Ладно, — успокоил друзей Илья Васильевич. — Замёрзли? Ничего, сейчас чайком отогреемся и поговорим.

В полутёмной прихожей ребята разделись. Никита одёрнул гимнастёрку, потуже затянул ремень и ладонью пригладил волосы. Костя тоже привёл себя в порядок. Друг за другом, несмело ступая по ковровой дорожке, прошли к дивану и чинно уселись рядышком. Комната Ильи Васильевича Глухих была небольшая. Размещались в ней всего-навсего: стол — он стоял в центре под лампой — кровать и диван. На одной стене висел портрет Ленина. Другую занимали полки с книгами, корешки которых поблескивали золотом.

Илья Васильевич налил в стаканы чаю из синего эмалированного чайника, достал хлеб, масло, сахар.

— А ну, товарищи, за стол! Ешьте и рассказывайте, как дошли?

— Ничего! — выпалил Костя и влюблённым взглядом посмотрел на хозяина: ведь именно таким видел он себя во сне.— Ничего доехали. Только за нами всю дорогу следили. Шёл кто-то следом...

Он повернулся за подтверждением к Никите, но, встретив строгий осуждающий взгляд, осекся.

— Следили? — с интересом переспросил Илья Васильевич. — Кто же это был?

— Придумывает он, — ответил Никита. — Привиделось ему, что человек за нами идёт. От дерева к дереву перебегает. Этак часто в лесу кажется, когда один идёшь.

— Бывает,— понимающе согласился Илья Васильевич, и в его голубых глазах сверкнули хорошие, задорные искорки смеха.

За чаем Никита рассказал Илье Васильевичу о том, что за пять дней, прошедших с момента организации, в кружок записалось двадцать пять человек, что все с нетерпением ждут начала занятий.

— Мы и книги достали о комбайнах, — ввернул Костя.

— Хорошо! Пригодятся. Теперь послушайте меня. К первому занятию кружка мы должны подготовиться так... — И комбайнер подробно изложил ребятам план первой встречи.

Когда все вопросы были решены, Илья Васильевич подал Косте свёрнутый в трубку лист бумаги и сказал:

— Это чертёж комбайна. Завтра перед занятием приколи к доске. Буду рассказывать и показывать.

Пока Илья Васильевич толковал с Костей, Никита ещё раз осмотрел комнату. Взгляд его задержался на окне. И — хотите верьте, хотите — нет! — Никита вдруг заметил, как на затянутом морозными узорами стекле появилось чёрное пятно. Оно росло на глазах. Никита замер. Неприятно заныло под ложечкой. Он взглянул на Илью Васильевича и Костю — разговаривают. Опять покосился на окно. Глаз! Тот самый чёрный глаз, сверкая белком, смотрел на него в упор.

— Я сейчас! — почему-то выкрикнул Никита и бросился из комнаты. С крыльца он увидел на снегу чёткий лыжный след, прямой, как линейка. Он проходил у завалины под окном и, миновав изгородь, тянулся к лесу, теряясь в полумраке.

Первое занятие

— Нашёл?

— Здесь ничего нет. Всё облазил.

— Что же ты там сидишь?

— Сейчас! — Костя выбрался из полутёмного угла, работая плечом, придвинул книжный шкаф, на полках которого вместо книг размещалась продукция кружка затейников, и огорчённо махнул рукой: «Как сквозь землю они провалились. Пропали чертежи!»

Никита стоял, задумчиво почёсывая затылок. Вид у председателя совета отряда был растерянный.

— Куда же они могли деться? — повторял он. — Куда?..

— Чёрт их знает! — всердцах сказал Костя. — Может быть, тётя Дуня куда-нибудь засунула, когда убирала в пионерской комнате.

Тётю Дуню — школьную сторожиху — ребята разыскали в одной из классных комнат. Она, ловко орудуя мокрой тряпкой, вытирала парты и что-то сердито ворчала себе под нос. Костя тихонько кашлянул.

— Тётя Дуня, вы вчера в пионерской комнате чертежей не находили? Бумага, свёрнутая в трубку...

Тряпка, брошенная в зелёный эмалированный таз, взметнула фонтан брызг. Старушка, щуря подслеповатые глаза, по-

смотрела на ребят, поправила на голове ситцевый белый в чёрный горошек платок, концы которого были затянуты узлом под подбородком, и, вытирая морщинистый лоб тыльной стороной ладони, сердито ответила:

— Не видала я ничего.

— Мы вчера вечером с эмтееса чертежи привезли, — пояснил Костя, — от Героя Социалистического Труда, — он повернулся к Никите и укоризненно произнёс: — Говорил тебе, что домой надо взять. Не согласился. Вот и получилось.

— Ты бы их тоже дома забыл, — несмело оправдался Никита.

— Домой сходить можно. А здесь вот они: тю-и-и-и-ть! — Костя присвистнул.

— Не нужны они никому, кроме нас, — уверенно сказал Никита. — Найдутся.

— Со стола-то они сами не могли испариться!

— Ну?

— Значит, их взяли, — наступал Костя. — А раз взяли, значит, кому-то они нужны. — И он обратился к тёте Дуне, которая, не интересуясь спором, принялась за прерванную работу. — Тётя Дуня, может, видели вы чертежи, а? В трубочку свёрнуты они были...

— Сотый раз говорю: не трогала я бумаг ваших. В пионерской я ещё не убирала. — И, жалуясь на кого-то, начала причитать: — Шутки со старухой шутить вздумали, больного человека ночью с постели поднимать.

— Тётя Дуня, мы...— заикнулся Костя.

— И не говори. И слушать не буду!.. Додумались!

— А что случилось? — полюбопытствовал Никита.

— Спрашивает ещё? Набедокурил, бесстыдник, а теперь представляется, вид делает, что ему ничего неизвестно. — Ночью-то,— продолжала она,— Фунтика из хлева во двор кто выгнал? Знаю, знаю...— Она погрозила ребятам пальцем.

— Не мы, тётя Дуня! Честное слово! — в голос заявили ребята.

— Не выпускали мы поросёнка, — добавил Костя. — Всю ночь преспокойно спали.

— А что ночью-то было? — спросил не без любопытства Никита, усаживаясь прямо на парту.

— С парты слезь, — строго заметила тётя Дуня. — На парту тетради кладут, а ты штанами елозишь. Для сиденья скамейки сделаны.

Охая и вздыхая, старушка поведала ребятам о ночных треволнениях.

Это было часа в два ночи. Школа опустела. Старушка, уставшая за день, проводила Герасима Сергеевича — директор задержался в школе допоздна, заперла дверь на массивный железный крючок и стала готовиться ко сну. Разобрав постель, она разделась. И... и тут раздался истошный поросячий визг. Верещал Фунтик, и верещал так отчаянно, будто напали на него сразу десятка два волков. Тётя Дуня торопливо оделась, накинула на плечи шерстяную шаль и кинулась спасать своего «аспида». Странная картина открылась её глазам. Никаких волков и грабителей не было: кочерга не пригодилась, Фунтик носился по двору и визжал. Старушка засеменила к свинарнику. Дверь в него была распахнута настежь. Проверив все углы и закоулки, тётя Дуня убедилась, что там никого нет. Началась вторая часть ночной трагедии: старушка преследовала поросёнка, а он, выписывая по двору всевозможные кренделя, увёртывался от хозяйки.

— Часа два меня гонял по двору этот аспид,— закончила рассказ тётя Дуня.— Всю душу вымотал...

Желая выяснить всё до конца, Никита спросил:

— Тётя Дуня, а утром никто в школу не заходил?

— Вы первые пожаловали, — ответила она и спохватилась: — Засиделась я с вами! Чай, в учительской-то пыль на столах! Тьфу ты! Вовсе запамятовала! — Тётя Дуня схватила таз.— И воду сменить надо!

Понуро возвращались друзья в пионерскую комнату. «Куда же делись чертежи?» Костя постоял с минуту в раздумье и опять принялся за поиски. Его примеру последовал Никита. Отыскивая чертежи, они отодвинули диван, тумбочку, сняли со стола скатерть. Никита заглянул за тумбочку — последний неисследованный угол — и, ничего там не обнаружив, отошёл к окну.

Прислонившись спиной к подоконнику, он наблюдал за Костей, который, утопая в ворохе бумаг, просматривал прошлогодние стенные газеты, поочерёдно разворачивая их. Раскручивая очередную газету, Костя заметил:

— Ты бы форточку, Никитка, открыл.

Никита повернулся к окну и увидел на выкрашенном белой краской подоконнике тот самый след, который он видел в палисаднике на снегу. «Вот оно что!» Никита вскочил на подоконник и потянул на себя форточку. Она открылась. Волнение охватило его.

— Костя, Костик! Иди скорее сюда. Видишь? — позвал он, не спуская глаз со знакомого таинственного следа.

— Наследил кто-то, — спокойно отметил подошедший к окну Костя. — Форточку открывать лазили.

— А это? — Никита дёрнул шнур, при помощи которого пионеры открывали и закрывали форточку, не забираясь на подоконник.— Значит, лазить на подоконник незачем? Незачем. Ты, Костик, лучше смотри. Помнишь, я в палисаднике по снегу ползал, следы смотрел? Так вот, там такие же следы были. Спереди подковка, а сзади на каблуке пластинка для коньков.

Рот у Кости открылся от изумления:

— Ну-у-у!?

— Вот тебе и ну!

— Выходит, что чертежи украл тот самый, который к тебе в окно заглядывал, тот, кто крался за нами, когда мы в МТС ходили?

— И тот, который к Илье Васильевичу в окно заглядывал, когда мы у него были, — добавил Никита, наблюдая за ошеломлённым другом.

— Теперь ты веришь, что следил за нами кто-то? Веришь?

— Верю· Только от этого нам не легче: чертежей-то нет. А их, наверно, он взял.

— Может, обронил он их по дороге? — Костя указал на форточку.

— Зачем такие широкие форточки делают? Слон пролезет!

Теперь уже не один Никита, а и Костя ломал голову, раздумывая над тем, кто же этот таинственный незнакомец, неот-

ступно преследующий их, зачем понадобились ему чертежи комбайна?

— По-моему, это Лёнькиных рук дело, — сказал Костя. — Больше некому.

— Я тоже думаю на него.

— Никитка! А какой глаз к тебе в окно заглядывал?

— Чёрный-чёрный, и белок блестит.

— Тогда — Лёнька! — уверенно сказал Костя.— Надо его допросить. Пусть принесёт чертежи, а если не отдаст, сказать Герасиму Сергеевичу. Его из школы живо — в два счёта выгонят.

— С Лёнькой, конечно, поговорить нужно, — согласился Никита. — Он взял или не он, а занятия кружка всё равно состоятся. Пойдём объявление приколачивать.

Костя достал из клеёнчатой ученической сумки свёрнутый в трубочку лист бумаги, Никита нашёл в столе гвозди и молоток. Друзья выбрали на доске объявлений место, и гулкие удары молотка разнеслись по коридору.

— Ага! Объявление! — воскликнул кто-то сзади.

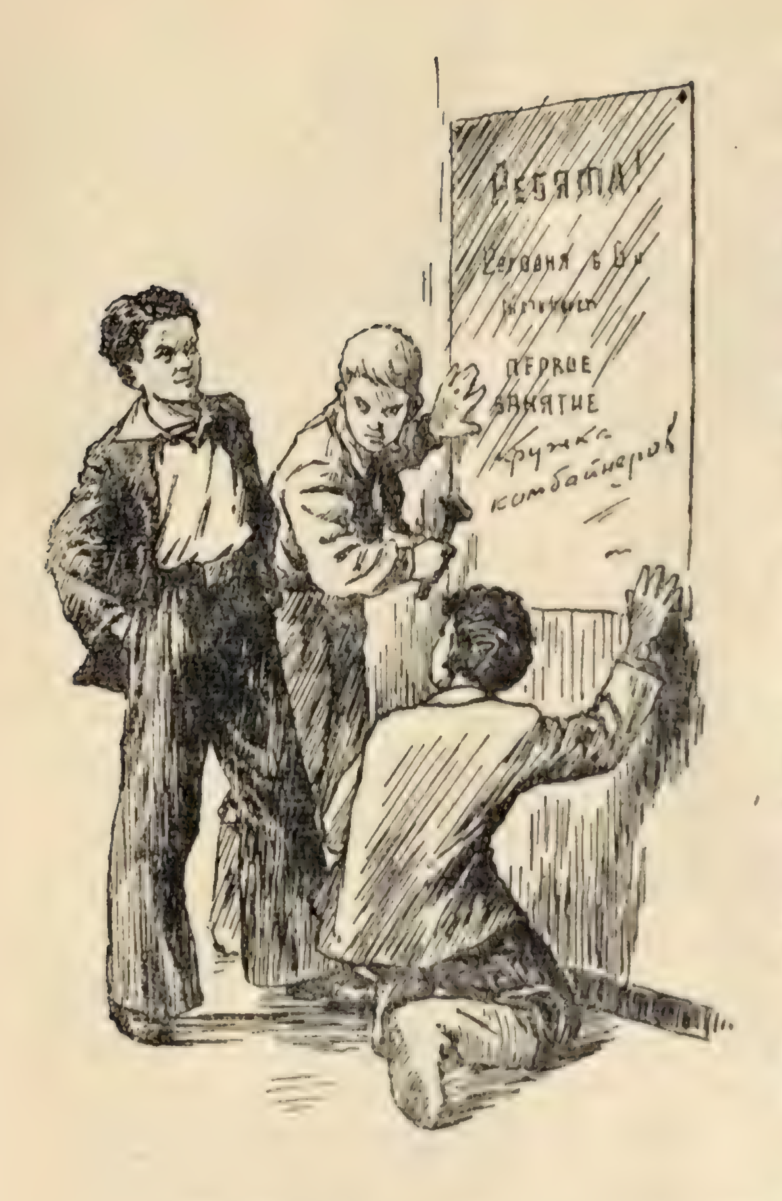
Ребята, как по команде, обернулись. Перед ними стоял Колычев. Разодет он был по-праздничному. Вьющийся смоляной чуб фасонисто зачёсан вверх, глаза масляно поблескивают — не поймёшь, хитринка в них или ехидство. На тонких губах — ничего не говорящая улыбка. Чёрный пиджак небрежно распахнут. Воротник белой рубашки выпущен поверх пиджака. В разрезе воротника виднеется уголок матросской тельняшки. Никита пристально посмотрел Лёньке в глаза. «Он или не он?» Но, то ли при дневном свете глаза приобрели другой оттенок, то ли обыденная обстановка сыграла свою роль, Никита не узнал в Лёнькиных глазах то грозное, таинственное, всевидящее око незнакомца.

— Объявление о начале представления,— заговорил Лёнька с обычной издевкой. — Так, что ли?

Он шагнул к листу бумаги с разбросанными по нему яркими буквами и, засунув руки в глубокие карманы штанов, громко прочёл:

— Ребята! Сегодня в шесть часов состоится первое занятие кружка юных комбайнеров. Записавшиеся обязаны явить-

ся без опозданий. Желающие записаться в кружок могут обратиться к ученику шестого класса «Б» Клюеву. Запись производится последний день!

Пока Лёнька читал объявление, Костя рассматривал его ботинки. Нет, на этих ботинках не было по всей видимости ни подковок, ни пластинок для коньков. Жёлтые, кожаные, они сияли безукоризненной чистотой. И, несмотря на это, Костя чувствовал всем своим существом, что и таинственный незнакомец и похититель чертежей — Лёнька.

— Мне в кружок тоже можно? — обратился Лёнька к Никите.

— Не гоним никого. Записывает Костя.

— Сегодня занятия проводите? А где?

— В большом зале.

— Что там будет-то? Глухих будет рассказывать, и всё?..

— Он и показывать будет,— вставил Костя. — Только чертежи у нас пропали. Но мы уже узнали, кто их из пионерской комнаты через окно стащил...

Лёнька вздрогнул, но тут же дерзко посмотрел Никите в глаза.

— Подшутили? Кто это, интересно?

— Ты их взял! — сказал Костя.

Лёнька весело засмеялся. Он смеялся так заразительно, что невольно у Никиты и у Кости на губах тоже появились улыбки.

— А ты видел? — Лёнька сразу посерьёзнел, голос зазвучал глухо. — Нет! Нечего тогда и говорить. Не пойманный, брат, — не вор! Вы рады теперь на меня наговорить. Не выйдет. Поняли? Я могу сказать Герасиму Сергеевичу, что вы против меня напраслину разную наговариваете. Нужны кому-то ваши чертежи!

Нахально подмигнув Косте, он круто повернулся и, напевая, направился к открытым дверям класса:

Жил да был один герой,
Рост имел он небольшой.
По ночам во сне герой
С золотой ходил звездой.

И далее следовал какой-то сверхзамысловатый припев:

Тру-ля-ля, тру-ля-ля-я!..

— Сочинил уже! — Костя огорчённо вздохнул. — Ладно! — И оживился: — Но, Никитка, верь, это он заглядывал, и следил, и утащил чертежи, он! Провалиться мне на этом месте, коли вру!

— Не пойманный — не вор. Он правильно сказал. — Никита кивнул в сторону ушедшего Лёньки. — Никто его не застал. Что делать будем? Чертежи-то надо.

— Никитка! — Костя просиял и придвинулся к товарищу. — Я нарисую! Нарисую! Честное слово, нарисую! — Он запрыгал на одной ноге вокруг кадушки с фикусом, весело повторяя: — Нарисую, нарисую, нарисую я!

— А чертёж где возьмёшь?

— В книге чертёж есть. Из книги и перерисую. — Костя, очень довольный своей находчивостью, потирал руки. — Бумагу Анна Фёдоровна даст. Я в пионерской комнате видел бумагу. Решили?

— Решили, Костик! — Никита крепко пожал ему руку и, одёрнув гимнастёрку, стал собирать рассыпанные на подоконнике гвозди.

После уроков Костя с Никитой уединились в пионерской комнате. Анна Фёдоровна — старшая пионервожатая — при-

несла ребятам огромный лист ватмана, линейку, циркуль и пузырёк с чёрной тушью.

Карандаш художника уверенно и быстро скользил по бумаге, нанося линию за линией. Костя поминутно заглядывал в раскрытую книгу «Комбайн «Коммунар» и наносил на чертёж штрих за штрихом. Лишь изредка в его руках мелькала резинка. Схема получалась на славу. Закончив одну часть чертежа, Костя сделал над ним надпись: *Молотилка комбайна «Коммунар» в разрезе* и, облегчённо вздохнув, откинулся на спинку стула.

— Отдохну немножко.

—Ты, Костик, здорово рисуешь,— сказал Никита, поднимаясь с дивана и бросая взгляд на готовый рисунок.— Как настоящий художник выписываешь.

— «Одарённая личность»?

— Не шутя говорю.

В это время в закрытую на крючок дверь громко и настойчиво постучали.

— Тс-сс-с, — прошептал Никита, прикладывая к губам палец.

— Слышу, слышу, Никита, открой! — прокричала за дверями Алёнка Хворова.

— Что это она прибежала? — спросил Костя. — Опять, наверное, с сестрой разругалась.

— Алёнка — хорошая, ей и открыть можно. Мешать не будет, — сказал Никита, направляясь к дверям. — Она всегда за тебя заступается, а ты...

— Я ведь не со зла.

Девочка не вошла, а ворвалась в комнату. Беглым взглядом окинула она Костину работу и, разворачивая на столе свёрток, который принесла с собой, затараторила:

— Говорила я тебе, Никитка, что лучше Кости у нас художника нет. Что, не правда? Не хмурься, не хмурься, Костя. Я не смеюсь. Вы домой-то не ходили обедать? Нет? Я поесть принесла. Хлеб с маслом и яички. Вкрутую сварены. А чертежи Лёнька утащил. Я сразу на него подумала.

— Про чертёж ты откуда знаешь? — насторожившись, спросил Никита.

— Дёмка Рябинин всем ребятам объявил, что занятий в кружке не будет. Чертежи, говорит, пропали.

— Радуются они, что у нас горе, — с досадой сказал Никита. — Но всё равно по-ихнему не будет!

И занятия состоялись.

Когда Илья Васильевич, в той самой белой шёлковой сорочке с голубыми васильками по вороту и в синем шерстяном костюме, на лацкане которого светилась Золотая Звезда Героя, вошёл в большой зал, тридцать пять будущих комбайнеров дружно, как один, поднялись со скамеек. У каждого в руках белел раскрытый блокнот. На стене красовался мастерски нарисованный чертёж комбайна «Коммунар». Староста кружка юных комбайнеров Костя Клюев, сияя, как именинник, стоял рядом со столиком, предназначенным для Ильи Васильевича, и, вскинув руку над головой, рапортовал о том, что кружок юных комбайнеров готов приступить к занятиям.

Илья Васильевич приветливо поздоровался с пионерами, сел поудобнее на стул, положил перед собой тетрадь в клеёнчатом переплёте и начал рассказывать о комбайнах, которые заменяют труд сотен людей.

Нет, не знали по-настоящему ребята, что такое комбайн. Много раз видели они эту неуклюжую на вид машину, а выслушав захватывающий рассказ Ильи Васильевича Глухих, стали совсем по-другому смотреть на комбайн.

Удивительная вещь — знания. Живёшь на свете, живёшь и не знаешь, что рядом с тобой такие интересные машины. И вдруг какой-нибудь человек в задушевной беседе раскроет глаза, и тогда ты взглянешь на мир по-иному. Ох, и интересным покажется он тебе!

Глубокая разведка

Хорошо летом в бору! Воздух такой, что дыши, и, кажется, никогда не надышишься им вволю. Над головой, в шелестящей зелени развесистых лапчатых ветвей, что совсем не пропускают солнечных лучей, звонко и разноголосо щебечут птицы. Где-то вдалеке слышны перестуки дятлов.

Легко шагается по тенистому лесу. Под ногами приятно похрустывает жухлая прошлогодняя хвоя. Со всех сторон высятся чуть ли не до самого синего неба гигантские сосны. Они стоят, как корабельные мачты, цепко впиваясь в рыхлый влажный подзол мощными узловатыми корнями-щупальцами.

И — странное дело! — лес как будто густой, можно даже сказать дремучий, а чувствуется в нём раздолье и простор.

Смотришь, среди корневищ на крохотной полянке, приподняв жёлтые иголки, которые словно мякина на зернотоке, устилают землю, проглядывает белый груздь. Там — второй, третий... Ой, ой, ой! Сколько их виднеется под ногами,— пожалеешь, коли по неопытности захватишь из дому маленькую корзину!

Лёнька, Толя и Дёмка мигом наполнили холщовые мешки отборными крепкими «пятачками» (так между собой ребята именовали мелкие ядрёные, без единой червоточинки грибки, предназначенные исключительно для засолки) и, подыскав живописную полянку, окружённую нарядными, пышными сосенками и залитую солнцем, расположились на отдых. Толя Карелин поставил мешок в тень, бросил на него кепку, расстегнул ворот коричневой изрядно выгоревшей сатиновой рубашки и, достав из-за пазухи сложенный вчетверо газетный лист, расстелил его на траве.

— Скатерть имеется,— сказал он.— Будем готовить обед!— придвинув чёрную клеёнчатую сумку, стал выкладывать из неё куски ржаного хлеба, пучки зелёного лука, варёную картошку.

Лёнька небрежно бросил мешок в траву, потянулся, в один приём стащил полосатую матросскую тельняшку, подстелил её под себя и улёгся возле «стола», подставив солнечным лучам и без того загорелую спину. Дёмка примостился на пеньке в тени раскидистой рябины с крупными краснеющими ягодами. Он внимательно следил, как проворно мелькают руки Карелина, приготовляющего на «стол», и время от времени проглатывал слюну: Дёмке страшно хотелось есть.

Разложив провиант, Толя развязал белую тряпицу с солью и жестом пригласил товарищей приступить к пиршеству. Дёмка схватил самую большую картофелину, наскоро очистил

кожуру и, окунув в соль, отправил картофелину целиком в рот.

— Обдувай соль-то! — со смехом сказал Колычев, следя за тем, как перекосилось лицо товарища.— Соль всегда к картошке прилипает.

— Пожадничал, вот и пересолил,— заметил Толя.

— Картошки пожалели?

— По-человечески есть надо...

— А я?..

— Торопишься, как на пожар...

Ребята замолчали. В наступившей тишине было слышно лишь усердное сопение и причмокивание. Запасы провизии таяли на глазах.

Утолив голод, Лёнька перевернулся на спину, закинул ногу на ногу и, ковыряя в зубах сухой былинкой, как бы между прочим, проговорил:

— А ведь я вас в Тёмный бор не зря привёл. Позавчера довелось мне подслушать разговор Никиты с Костей. Они собираются сюда отрядом пожаловать. Теперь пусть являются. Придут, посмотрят, а грибов-то — кот наплакал. Вот смехота!..

На поляне, перелетая с цветка на цветок, дружно гудели пчёлы. Совсем рядом в густой высокой траве стрекотали кузнечики. Высоко-высоко над лесом, прячась за белыми облаками-барашками, рокотал самолёт. Лёнька мечтательно смотрел в синеву и чему-то улыбался. Дёмка доел хлеб, стряхнул с коленей крошки и, вздохнув, снял синюю рубашку.

— Толян, у тебя есть иголка? — спросил он.

— А как же! — откликнулся Карелин, взял в руки фуражку и вытащил из подкладки огромную иглу с толстой суровой ниткой.

— Не схватись ты за сучок, — продолжал Дёмка, принимая иглу, — я бы рубаху надвое распустил. Ох, и достанется мне дома. Рубаха-то была почти новая...

— Может, не заметят, — успокоил Толя.

— Хорошо бы. Но мать у меня всё замечает. — Дёмка умолк и принялся за дело. Разложив рубашку на коленях, он, орудуя иглой, стал по возможности аккуратнее зашивать дыру.

— Вчера кто за Якишевым следил? — спросил Лёнька.

— Я! — отозвался Толя.

— Как? Разузнал что-нибудь?..

— Всё так же. Не было дома. Целый день на Лысой пропадал. Я, Лёнька, думаю, что следить за ними не надо: в лагерь-то не пробраться.

— Носа в лагерь не сунешь, — поддержал Дёмка, обкусывая нитку.

— Эх, вы-ы-ы...— Лёнька порывисто вскочил, натянул тельняшку, заправил её в брюки, затянул ремень и зло усмехнулся: — Легко было, — «ура» кричали, трудно стало,— «караул» голосите! Так дела не делают. Струсили вы. Конечно, попадётесь в руки Никите, он спуску не даст...

— Якишева не боюсь, — хмуро сказал Толя.

— Это и видно, что не боишься...

— Я с ним в любое время один на один выйду, — упрямо, насупившись, продолжал Толя.— А про слежку правильно говорю. Попробуй в лагерь пробраться, — узнаешь! Привык ты, Лёнька, чужими руками жар загребать...

— Что?.. — Колычев даже задохнулся от возмущения. — Я чужими руками жар загребаю? — свистящим шёпотом переспросил он, не спуская с обидчика гневно горящих глаз. — Загребаю?

— За слова отвечаю, — спокойно проговорил Толя. — Кто на прошлой неделе сговорил меня и Дёмку в огород к Зуйковым забраться? Ты. А Меланья Агриппиновна вышла, ты первым из огорода выскочил и свистнуть забыл. Из-за тебя Дёмку чуть не изловили... У тебя, Лёнька, получается всегда так. Я вывернулся, а вы как хотите, как знаете...

— Прохлаждались бы подольше... Понимать надо, что в каждом деле первое — быстрота и натиск...

— Ты со своей-то быстротой и удул за овраг, а нас бросил. А огурцы делить стали, себе равную долю забрал...

— Не загребаю я жар чужими руками! Выдумка! Это вы в любом деле трусите, а потом сваливаете на меня! Я докажу! Я...хотите знать, завтра я целый день у Никиты в лагере пробуду и разведаю всё. Точно говорю. Не зря слово твёрдое давал, когда шёл в группу особого назначения.

— Раньше времени не хвались, — предупредил Толя, — сделай сначала.

— Проберусь! Всё равно проберусь! А что следить за Никитой трудно — вы виноваты! Сколько раз предлагал я устроить им Карфаген!? Лагерь-то до сей поры целёхонек. Целый месяц прошёл. То-то и оно... Разбросали бы шалаши, якишевцы дома бы сидели... — Лёнька сплюнул сквозь зубы, вскинул чубатую голову, обеими руками, которые держал в карманах, поддёрнул чёрные закатанные до коленок штаны и, для эффекта отставив ногу, с подъёмом продекламировал:

Я не боюсь идти на бой.
Как ты и Дёмка, не дрожу я.
Пройду дорогою любой,
Вам всё, что надо, докажу я.
Не зная, что такое — страх,
Пойду до цели без измены.
Гнездо врагов развею в прах,
Пусть помнят участь Карфагена.
Пусть страх охватит их сердца!..

Вечерело. На притихший бор медленно надвигались сумерки. На западе чуть различимый сквозь ветви заревом пылал закат. От сосен ложились на землю тени. Повеяло прохладой. Запахло сыростью. Поёживаясь от свежего вечернего ветерка, друзья миновали бор, пересекли гречишное поле и, распростившись у околицы, разошлись по домам.

Лёнька вручил матери мешок с грибами, наспех поужинал и отправился спать на сеновал. Растянувшись на жёстком сеннике, он стал обдумывать план предстоящей разведки в глубокий тыл противника, и чем больше думал, тем больше мрачнел.

— Дёрнуло меня давать слово, — вслух бормотал он. — Попробуй-ка теперь отказаться.

Покрутившись и повздыхав, Лёнька откинул овчинный тулуп, служивший ему одеялом, и встал. Присев у слухового окна, он подогнул колени, обхватил их руками и задумчиво стал смотреть на бездонное тёмнобархатное небо с яркими точками звёзд. Тяжело было на душе.

Затея с глубокой разведкой казалась неосуществимой мечтой. «Поймают,— тоскливо размышлял Колычев,— Дёмку — и то чуть не схватили, а он мастер незаметно пробираться... Если поймают меня, больше всех Никита потешаться начнёт... А что ему не потешаться...»

Перебирая в памяти последние встречи с Никитой, Костей и другими ребятами из лагеря, Лёнька вдруг вспомнил разговор с вожаком малышей — Славкой. Ясно представилась картина: Славка босой, с измазанным глиной лицом, стоит перед Толей Карелиным и, вытирая под носом рукавом белой рубашки — руки у Славки тоже в глине — захлёбываясь от восторга, рассказывает:

— Нам Никита теперь задание дал. Всей нашей группе.

— Какое задание? — спросил Лёнька.

— Глину месить для мазанок. Щели в шалашах залепливать. И ещё камышом яму завалить и заборчиком её обгородить. А то яма у самого штаба. Глубокая яма...

«И как это мне раньше в голову не пришло? Вот где можно схорониться,— радостно подумал Колычев.— Заберусь в яму, и никто меня не отыщет! Вот смехота! Толян с Дёмкой от зависти лопнут...» На душе у Лёньки посветлело. И ночь казалась уже не такой тёмной и мрачной. И ветерок дышал на него ароматом гречихи. Колычев успокоился, лёг на сенник и долго лежал с открытыми глазами, рисуя заманчивые, героические картины предстоящей разведки.

Проснулся он от ярких лучей солнца, которые, пробиваясь сквозь широкие щели сеновала, золотыми трепещущими бликами сняли на сене, светлыми длинными полосами тянулись по чердаку, били в глаза. Колычев потянулся, вскочил, выглянул в слуховое окно и ужаснулся.

По широким травянистым улицам деревни степенно разгуливали козы и овцы, по дороге, поскрипывая на выбоинах колёсами, тянулась вереница телег, груженных мешками. По обочине, рядом с возами, шагали люди. Громыхая пустой бочкой, пронеслась лёгкая тележка. На бочке, в белой рубашке с расстёгнутым воротом, сидел, всклокоченный и возбуждённый, Женька Каргаполов. Он лихо крутил над головой ремёнными вожжами и громко погонял коня.

— Проспал! — зло проворчал Лёнька и, натянув брюки, по шаткой скрипучей лестнице спустился во двор. Не заглядывая домой, он прямо через огороды — надо же прихватить на завтрак свежих огурцов! — отправился в путь-дорогу. Перескакивая через плетни и изгороди, добрался до птицефермы, свернул к реке и скоро затерялся среди необозримых золотистых пшеничных полей. Пробираясь узкой межой, сплошь заросшей васильками, он с горечью размышлял о том, что последнее время Толя стал часто спорить из-за пустяков, как будто нарочно искать ссоры, что Дёмка тоже без особого энтузиазма соглашается участвовать в лихих и опасных набегах на чужие сады и огороды, а совсем недавно отказался лезть в школьный сад.

— Дела-а,— вздыхал Лёнька.— И эти о Никите думают. Охота им в кружок комбайнеров попасть. Ну, да ничего... Вот проберусь в лагерь, разведаю — и в наступление. Берегись, Никита! Был у тебя лагерь, и не будет его! Уж я постараюсь. А Толька и Дёмка по пятам за мной ходить будут... Не видать тебе их, Никита, как своих ушей!..

Межа внезапно оборвалась. Перед Колычевым раскинулся луг с густой зелёной травой. Он тянулся до самого подножия горы. Кое-где, как острова, поднимались пышные шапки кустарников. Затаившись в траве, Лёнька раздвинул руками гибкие стебли и долго наблюдал за едва приметной тропинкой, что, извиваясь по склону, вела на вершину Лысой, к лагерю. Ни души на тропе. С величайшими предосторожностями Колычев перебрался в кусты шиповника, росшие у подножия. Передохнув и осмотревшись, нарвал зелёных лопухов, заткнул их под ремень так, чтобы прикрыть спину и ноги, и двинулся по склону к вершине. Полз медленно, осторожно. Каждый даже самый малейший шорох приводил его в трепет. Лёнька плотно припадал грудью к земле и озирался. Долго ли, коротко ли продолжался этот подъём, он сказать не мог: ему казалось, что ползёт он целую вечность. И наконец-то вот она — вершина! Проскользнув к гранитному валуну, разукрашенному зелёными бархатными заплатами лишайника, Лёнька вытер потное, покрасневшее лицо, приподнялся на локтях и, вытянув шею, выглянул из-за камня.

Пионерский лагерь был оборудован на славу! От квадратной площадки, в центре которой высилась мачта с бьющимся на ветру красным флагом, звездообразно во все стороны разбегались ровные дорожки, посыпанные озёрным песком. Вдоль дорожек располагались шалаши, вернее, небольшие аккуратные домики. Плетёные из камыша стены и плоские покатые крыши их были аккуратно подстрижены. У каждого домика-шалаша над дверью белела табличка с номером звена. За мачтой, в дальнем углу лагерной площадки, виднелся навес — крыши на высоких свежеотёсанных столбах. Под навесом — скамейки, самодельная классная доска и стенд с чертежами комбайна.

«Вот где, оказывается, кружок занимается,— догадался Лёнька.— И чертежи нарисовали. Жаль...» Он выбрался из-за камня и пополз к яме. Зелёный заборчик, огораживающий её, возвышался неподалёку от валуна. Лёнька трусил. Ему казалось — да и любому бы показалось! — что вот-вот из какого-нибудь шалаша появятся ребята и — обязательно будет так! — заметят крадущегося в их стан противника. Сердце у Лёньки колотилось, пот струился по лицу и спине. Тельняшка смокла и прилипала к телу. Ещё, ещё немного, и можно, перебравшись через заборчик, юркнуть в спасительную яму.

— Костя! Костя-а-а!..

Лёнька прильнул к траве: голос Якишева раздался совсем рядом. «Всё пропало! Схватят... Сейчас меня схватят!..»

— Здесь я, Никитка! Иду-у-у!..

— Опять опаздываешь, одарённая личность! Скорее!..

— Быстро буду,— донеслось откуда-то из-под горы.

Надо было экстренно принимать решение. «До ямы не успеть,— прикидывал Лёнька,— до неё далековато и забор к тому же. Куда прятаться?» Привстав, он измерил на глаз расстояние до первого шалаша и опрометью, чуть пригнувшись, со всех ног бросился к нему. Перескочив невысокий порожек, огляделся. В шалаше было уютно. На стене возле окна с марлевой занавеской-задергушкой висели расписание занятий кружка юных комбайнеров, какие-то таблицы и списки. В центре шалаша стоял колченогий стол — деревянный щит, сколоченный из досок, был положен на четыре кола, вбитые в землю. На столе разбросано несколько книжек, раскрытая тетрадь,

чернильница с воткнутой в неё ручкой. Вдоль стены, что напротив двери, тянулись широкие нары, покрытые пёстрым домотканным половиком.

— Костя! Костя! Ну, где же ты?! — прозвучало у входа. Лёнька заметался по шалашу, как затравленный зверь. «Что делать?» И тут взгляд его упал на нары. Недолго думая, Лёнька нырнул под них и затаился. Сделал он это во-время. Не успел устроиться поудобнее: надо было с живота перевернуться на спину или на бок, а в шалаш уже вошёл Никита, за ним Костя. Никита положил что-то на стол и уселся на нары. Босые пятки его ног почти коснулись Лёнькиного носа. Лёнька лежал в укрытии ни жив ни мёртв. Ему представлялось, что Костя или Никита сейчас обязательно заглянут под нары, вытащат его, и... и начнётся допрос. Ведь не скажешь тогда, что пришёл в гости. Лёньку бросало то в жар, то в холод. Лёнька пересилил нервную дрожь и прислушался к разговору.

— Часа на два опоздал,— говорил Никита.— Слово давал и опять не держишь. Сколько тебя учить надо?..

— Я же, Никита, по делу, а не так просто.

— «По делу». Мог бы потом... Что тебе на ферме сказали?

— Вот! — Лёнька услышал, как зашелестела бумага, — тут всё написано. Никитка, как думаешь — где я был?

— Подожди, дай прочитать,— отмахнулся Никита.

— Нет, отгадай, где?

— На ферме был.

— А ещё где?

— В Пестовке у Володьки Великанова?

— Не-е-е... Тебе, Никитка, ни в жизнь не догадаться, куда я ходил.

— Ладно. Говори.

— У Алёнки Хворовой! — восторженно выдохнул Костя. — Честное слово, у неё! Интересно получилось. Зашёл я с фермы домой, выпил кружку молока и хотел идти сюда. Только за калитку, а Полкан за мной. Стал я его во двор загонять. Крикну на него,— он в подворотню. Чуть отойду,— он за мной. Привязался,— хоть плачь. Минут пять с Полканом я промаялся, плюнул: пускай идёт! А тут как раз Тоська Хворова по воду к нашему колодцу пришла. «Ну, думаю, начнёт ругаться».

Хотел от неё во двор спрятаться. А Тоська меня зовёт: — «Иди-ка, говорит, сюда. Нехорошо, говорит, вы, друзья-товарищи, с Алёнкой поступаете. Как навестить больного человека — вас нет». Ну, я и навестил Алёнку.

— Как она? Рассказывай! Поправляется?..

— Завтра обещала в лагере быть. Никита, занавески-то на окна, оказывается, Алёнка сделала. Она ещё четыре штуки со мной прислала. Вот получай!

— Молодец! Если Лёнька её дразнить начнёт, — проговорил Костя, — я первый с ним драться стану.

— В обиду её не дадим больше, — поддакнул Никита. — Если Лёнька хоть слово обидное Алёнке скажет, мы с ним не так, как раньше, разговаривать будем.

— Никита! — в шалаш ворвался Гоша Свиридов. — Илья Васильевич едет! Сигнал сбора давать?..

— Давай!.. Костик, пошли в классную. Чертежи взял?

— Утром ещё на стенд наклеил.

Лагерь ожил. Кто-то горнил сбор. По песчаным дорожкам суетливо забегали ребята. Из-под горы донёсся дробный треск мотоциклетного мотора: подъехал Илья Васильевич Глухих.

— Чего канителишься? — нетерпеливо спрашивал Никита у Кости, который озабоченно перебирал на столе книги.

— Тетрадку ищу. Утром на столе видел, а теперь нет...

— Ты, Костик, всегда разбрасываешь вещи где попало.

— Говорю, что на стол её положил...

— Вот и возьми её там...

— Посмотри, может быть, засунул куда-нибудь.

Лёнька так и обомлел: «Началось! Как только Костя заглянет ко мне под нары...— пронеслось в голове,— вскочу, разбросаю всех и... куда глаза глядят». Он уже подогнул колени, намереваясь одним броском выбраться из неудобного убежища.

— Вот она! — радостно сообщил Костя.— В кармане!

— Эх, ты, одарённая личность! — со смехом ответил Никита. — Опять рассеянность! Пошли скорее.

Лёнька облегчённо, всей грудью вздохнул и, проследив за тем, как ребячьи ноги — он видел из-под нар только их — исчезли в проёме дверей, распрямил затёкшие руки.

— Здравствуйте, комбайнеры!

«Глухих подошёл,— сообразил Лёнька,— теперь можно не бояться. Пока они разговаривают и занимаются, мне удастся в яму перебраться».

— Прибыл точно к началу занятий,— продолжал Илья Васильевич.— Беру пример с нашего старосты. Дал слово — держу.

— Не опаздываю я теперь, — начал оправдываться Костя, — хоть у Никиты спросите. Правда, Никитка?...

— Шучу, шучу! — добродушно рассмеялся Илья Васильевич. — Ну, что же, пойдём в аудиторию? Так, что ли. Сегодня будем изучать транспортёры хедера. Верно говорю?

— Транспортёры!!! — отозвалось сразу несколько голосов.

— А кто помнит, что такое хедер?

— Жатвенная часть комбайна!

«Женька Каргаполов выставился. Не терпится ему себя показать», — отметил Лёнька и стал осторожно выбираться из убежища. Ему сильно хотелось пить. От пережитого волнения во рту горело, будто натёрли язык и нёбо полынью. Достав из-за пазухи огурец, Лёнька вытер его о штаны и торопливо откусил половину. С хрустом прожёвывая сладкую мякоть, Колычев подошёл к окну, приподнял краешек занавески и посмотрел на улицу.

Под навесом «классной комнаты» не было ни одного свободного места. Вглядываясь в лица сидящих на скамейках ребят, Лёнька узнавал недавних друзей, и горькая усмешка обиженного человека кривила его тонкие губы: «Да, были хорошие деньки. Все эти ребята — и Женька Каргаполов, и Гоша Свиридов, и Витька Подоксёнов — ходили за Лёнькой, смотрели на него, ожидая, что скажет вожак, и по первому знаку готовы были следовать за ним куда угодно». Колычев пригладил рукой непокорный смоляной чуб, вздохнул и достал второй огурец. Лениво разжёвывая зубами твёрдые, холодные кусочки, он следил за пионерами, которые внимательно слушали комбайнера. Илья Васильевич в синем замасленном комбинезоне — на занятия Глухих приехал прямо с полевого стана — время от времени брал со стола длинную указку, подходил к стенду с чертежами и показывал слушателям нужные части комбайна.

Волнение, вызванное только что пережитой опасностью, немного улеглось. Лёнька опустил занавеску, присел на нары и стал обдумывать создавшееся положение. Перебазироваться в яму он не мог: на глазах у всего лагеря из шалаша не выйдешь. Разобрать стенку домика тоже невозможно: во-первых, стены сплетены на совесть, во-вторых, времени много потребуется. Остаётся только — ждать, когда стемнеет, под покровом ночи незаметно выбраться из шалаша и ускользнуть. Чтобы скоротать томительные минуты ожидания, Лёнька взял со стола первую попавшуюся под руку книгу и стал рассматривать картинки. Громкие голоса, донесшиеся с улицы, оторвали его от этого занятия. Лёнька одним прыжком подскочил к окну. Илья Васильевич, окружённый шумной ватагой своих учеников, шёл прямёхонько к шалашу.

— Илья Васильевич, пойдёмте в штаб, — приглашал комбайнера Костя, то и дело забегая вперёд.— Пойдёмте!..

Лёнька обомлел. Так вот куда он, оказывается, попал. В пионерский штаб. «Вот тебе и фунт малины!» — подумал он и юркнул под нары.

— Пожалуй, в штабе нам всем не поместиться,— прозвучал голос Глухих.— Давайте-ка лучше сядем на этой вот полянке и поговорим по душам.

Шум и возгласы известили Лёньку о том, что ребята рассаживаются.

— А теперь расскажите мне, чем вы занимаетесь в лагере, как отдыхаете? — спросил Илья Васильевич.

Наступило короткое затишье. Затем Лёнька услышал голос Никиты:

— Отдыхаем мы, Илья Васильевич. За этот месяц два раза в походы ходили. Один раз в Пестовку на два дня, а второй — на Щелкун. На рыбалке были. Купаемся каждый день. Ну, и в кружке занимаемся...

— На фермах работаем! — выкрикнул кто-то.

— Я сегодня десять бочек воды на животноводческую ферму привёз, — объявил Женя Каргаполов. — Встал пораньше и успел!

— Мы на прополку ходили! Овощеводам помогаем!..

— У нас специальные звенья организованы,— уточнил Ни-

кита, — животноводов, полеводов и овощеводов. Игнат Петрович попросил нас помочь взрослым. Вот мы и помогаем.

— Сегодня в Тёмный бор за грибами пойдём, — вставил Костя.

«Идите, идите, — подумал Лёнька, — наберёте грибков с кошкины слёзы. Мы-то там уже побывали!»

— Дело тоже хорошее, — поддержал Глухих. — Теперь вот что, ребята. Есть у меня одно предложение или, как говорят, дело первостепенной важности... Да, совсем забыл! Сбегайте-ка к мотоциклу. Там у багажника свёрток привязан. Доставьте его сюда мигом.

— Славка! — скомандовал Костя. — Принеси быстро! Осторожней с горы спускайся. Не бегом, а шагом.

— Так вот, ребята. Решили мы вчера на правлении доверить вам дело серьёзное. — Илья Васильевич кашлянул. — Знает кто-нибудь из вас, что такое патруль? Патруль — это военный термин, то есть военное слово, — пояснил Глухих. — Так называется группа вооружённых людей, которым поручено охранять завод, склад или что-нибудь другое. Правление колхоза решило поручить вам охрану посевов. Ясно? Значит, вы должны организовать патрулирование полей. Тоже понятно?

— А вооружение нам дадут? — полюбопытствовал Костя.

— От кого посевы-то охранять? — спросил Гоша Свиридов.

— Отвечу. Всё расскажу. Посевы надо оберегать от вредителей. Есть такие жучки-червячки. На вид они безобидные, а на самом деле страшнее их трудно найти врагов. Нападут жучки-червячки на пшеницу, рожь, ячмень, гречу, нападут на капусту, свёклу, картошку, лук и — прощай богатый урожай... Вот вы и будете бороться с этими врагами, следить, чтобы не появлялись они на полях колхоза. А оружие у вас тоже будет. Не винтовки, конечно, не пулемёты и пушки, а знания. Знания, брат, очень сильное оружие. Договоримся мы сейчас, организуем патрули, а потом вы начнёте изучать вредителей полей. На правлении была старшая пионервожатая из вашей школы. Она попросила у агронома, чтобы он провёл с вами здесь в лагере несколько занятий...

— Дядя Илья, принёс я свёрток! — выпалил запыхавшийся Славка.

— Вот вам карта колхозных полей,— Лёнька услышал шуршание разворачиваемой бумаги. — Разобьёте поля на участки и на каждый участок выделите по два-три человека.

— У Гнилой балки я охранять буду! — воскликнул Женя Каргаполов. — Там капуста посажена!

— И я с Женькой, — попросил Гоша Свиридов.

— Я за пшеницей, что у брода растёт, смотреть стану. Участок большой! Я и Витька Подоксёнов.

— Я гречу охраняю!..

— Мне ячмень дайте!..

— Мне тоже!..

— Лиха беда — начало,— засмеялся Илья Васильевич.— Теперь, командиры, разрабатывайте план наступления на жучков-червячков. Охотников, я вижу, хоть отбавляй. И ещё, пока я не забыл, напоминаю, что завтра ждём вас на полевой стан в гости. Посмотрим, какие у вас артисты и музыканты. Объявление второй день висит... Не подведите.

— У нас всё готово, — ответил Никита, — осталось только частушки сочинить.

— Тогда желаю удачи. До скорого свидания!

Голоса удалялись: пионеры провожали Глухих. Возвратившись, они дотемна спорили, горячились и даже ругались, распределяя участки, назначая патрули и отбирая номера для завтрашнего выступления на полевом стане. Поход за грибами в Тёмный бор пришлось отменить: многое предстояло сделать ребятам. Ночью, когда в лагере остались одни дежурные, Лёнька незаметно выбрался из своего убежища и, кубарем скатившись по склону, растворился в темноте.

Модельный цех

Ефим Ружанский **_Рисунки П. Никулина_**

Не гудок с постели поднял,
Сам я встал,
и раньше всех:
Вместе с папою сегодня
Я иду в модельный цех.
Вот он —
лесом пахнет,
светлый,
Со стеклянным потолком.
Слышу, говорят:
— Привет вам,
Пётр Семёныч!
Вы с сынком?
— Да,— им папа отвечает,—
Пусть мальчонка привыкает...
Загудел гудок, и скоро
Расшумелися моторы.
Наблюдаю путь брусков
От пилы до верстаков:

И обтешут, и просверлят,
И по чертежу проверят,
А потом начнут строгать
И бумагой
(да, бумагою наждачной!)
шлифовать.

Из рубанка друг за дружкой,
Как веселые подружки,
Мчатся стружки-завитушки,
Змейкой падают у ног.
Вот брусочки, как игрушки,
Кубики, кружки и дужки,
Вот горушки из досок...
Вижу я, как собирают
В цехе сложные модели.
Папа вновь их проверяет:
— Может, что недоглядели?
Сделай что-нибудь не так —
И в литейном будет брак.
Понимаешь?
— Понимаю! —
Отвечаю и решаю:
— Цех понравился мне,
весь!
Я работать
буду здесь!

Формовка

Ефим Ружанский

Рисунки П. Никулина

Это самый спокойный —
                    из всех —
Чугунолитейный
                цех.
Смотрю, удивляюсь:
                    чего это ради
В песочке
        копаются
                взрослые дяди?
Как будто игрушки,
                модели в руке,—
Я их отпечаток
                увидел в песке.

В такой отпечаток,
что формой зовут,
Чугун из вагранки
литейщики льют.
Но чтоб получалась удачной формовка,
Смекалка нужна
и большая сноровка!
Над формой детали
склоняется мастер,
Ланцетом срезает
ненужные части;
По граням
чуть влажным ведёт
помазком,
И форму
сухим присыпает
песком;
Следит,
чтоб соринки в неё
не попали,
Чтоб точными
отлиты были детали...
Теперь я
с формовкою
тоже знаком.
Решаю, на мастера глядя:
Хорошее дело! —
в искусстве таком
Творить чудеса
с землёй и песком,
Как эти вот взрослые дяди!

Ольга Корженёвская *Рисунки В. Яковлева*

Маруся и Маргарита

Марусе Петровой тринадцать лет, она учится в шестом «А» классе.

Раньше ей очень не нравилось своё имя, и она как-то сказала своей подруге Маргарите Солнцевой: «Вот у тебя имя — как имя: красивое, звучное! А моё... уж слишком простое...»

Маргарита очень находчива. Она живо ответила: «Хочешь, Марусенька, я буду звать тебя Мэри? Это очень красиво и совсем как у Лермонтова».

Но Маруся сразу возмутилась: «Как? Переделывать своё русское имя на американский манер? Это могли делать разные княжны, а я — пионерка!»

С тех пор Маруся полюбила своё имя и даже не сердится, когда бабушка называет её Машенькой.

Маруся Петрова и Маргарита Солнцева — подруги. Они с первого класса сидят за одной партой. В третьем классе вместе вступали в пионеры и решили дружить всегда. Маруся, когда вырастет, хочет быть учительницей русского языка, а Маргарита — артисткой.

В школьном драмкружке Маргарита всегда играет первые роли, и Маруся гордится ею. Все предметы даются Маргарите легко, она без особых усилий учится на четвёрки и пятёрки. Пишет же Маргарита с ошибками, а в последнее время в погоне за отметками стала часто списывать у Маруси домашние задания, а Маруся не имеет мужества отказать...

Маруся много раз предлагала подруге помощь: объяснить дома правило, если она его не поняла в классе, выполнять вместе домашние задания, но Маргарита заявила: «Как тебе известно, я буду артисткой! Зачем же мне убивать себя над грамматикой?»

Перед тем как в шестом «А» классе должен был быть контрольный диктант по русскому языку, Маргарита сказала Марусе: «На контрольной свою тетрадку ты клади так, чтобы мне её было хорошо видно. Иначе я опять получу тройку... Мне достаточно одним глазком взглянуть! Я не такая, как Валька Киняпина, которая дома с книжки и то путем списать не умеет!» Но Маруся возмутилась: «Нечестно не по-пионерски обманывать учительницу. Списывать во время контрольной работы я тебе не дам! А над Валей Киняпиной несправедливо смеяться. Она много делает ошибок — больше всех в классе. Ей трудно даётся русский язык, но она старается и ни у кого не списывает: я начала помогать ей дома и вижу, как упорно она работает».

Маргарита сердито крикнула: «Ну и дружи со своей Валькой»,— и убежала.

У Маруси от обиды слёзы на глаза навернулись, но она не изменила своего решения.

Маруся будет играть на сцене

Школьный драмкружок шестых-седьмых классов будет готовить к седьмому ноября пьесу из жизни детей Америки.

Главную роль — роль девочки-американки мисс Эми — играет Маргарита.

Уже совершенно забыв о размолвке, она прибежала к Марусе вечером, после занятий драмкружка, возбуждённая и радостная, стала тормошить подругу и заявила, что Маруся тоже должна играть в этой пьесе — роль негритянской девочки Салли.

— Мы и в драмкружке будем работать вместе,— весело щебетала Маргарита,— на то мы и подруги!

Маруся никогда не играла на сцене и растерялась от неожиданности.

— Какая из меня артистка? — возразила Маруся.— Вдруг не сумею, а вся школа будет смотреть!

Но ей хотелось играть на сцене вместе с Маргаритой, и она сказала, что подумает, как быть...

Маруся будет играть Салли!

Она уже ходит на репетиции. Маргарита уговорила её, уверила, что для первого выступления на сцене — это самая подходящая роль: чем больше с непривычки Маруся будет бояться, тем лучше, потому что она будет играть бедную, запуганную, забитую девочку-негритянку.

Марусю пугает в пьесе одно место, где Салли должна спеть песенку. А петь Маруся совсем не умеет.

Но Маргарита уже договорилась с учительницей русского языка Варварой Фёдоровной, которая руководит драмкружком, что они пропустят эту небольшую сценку, где жестокая мисс Эми заставляет Салли петь, хотя у Салли в это время умирает мать.

— Я понимаю, конечно,— говорит своей подруге Маруся Петрова,— что такое место не следовало бы пропускать. Но этого я не смогу выполнить.

Репетитор озадачен

Маргарита милостиво согласилась, чтобы Маруся помогала ей заниматься дома по русскому языку. Маруся с облегчением вздохнула: наконец-то прекратится списывание домашних работ, и её совесть будет спокойна.

Обе подруги вместе добросовестно подготовили урок так, как давно хотелось Марусе. Она пустила в ход все свои педагогические способности и видела, что Маргарита под конец хорошо усвоила материал. Они вместе выполнили заданное на дом упражнение и, кроме того, хотя это и не было задано, придумали замечательные примеры на выученное правило.

Маруся радовалась — начало положено.

Но на следующий день на уроке случилось то, чего Маруся никак не ожидала.

Варвара Фёдоровна, придя в класс, спросила, кто из учеников не разобрался в заданном и какие у кого есть сомнения. И вдруг руку поднимает Маргарита и говорит, что она сегодня не совсем хорошо поняла материал. Маруся не могла понять, в чём дело!

Варвара Фёдоровна вызвала Маргариту к доске, и та стала отвечать урок и в пояснение своих мыслей приводить примеры, придуманные дома, морща лоб и делая вид, что они только сейчас пришли ей в голову. На самом же деле все примеры она запомнила наизусть: Солнцева славится своей памятью на весь класс, девочки утверждают даже, что она знает наизусть всю «Полтаву» Пушкина.

Получился складный, красивый, продуманный ответ, и Варвара Фёдоровна похвалила её и сказала, что напрасно она сомневалась — материал она знает отлично. И поставила ей пятёрку.

После урока Маруся грустно спросила Маргариту: «Зачем ты так сделала?»

Маргарита засмеялась: «Как зачем? — Я получила пять, — я же, действительно, это правило знала на пять! Теперь Варвара Фёдоровна меня долго не спросит. А пока можем не заниматься вместе, если это тебе трудно!»

Спектакль

Восьмого ноября состоялся долгожданный спектакль. Маруся Петрова вышла на сцену ни жива ни мертва. Роль Салли небольшая, и Маруся знала её хорошо, но от волнения голос у неё дрожал и срывался.

Каков же был её ужас, когда в последнем действии вместо того, чтобы пропустить пение, как они договорились, Маргарита повелительным тоном жестокой мисс Эми вдруг приказала Марусе, как и нужно было по ходу пьесы: «Пой, чёрная девчонка!»

Маруся едва нашла в себе силы сказать плачущим голосом: «Я не могу, я не хочу, мисс...» Но та упорно повторяла: «Пой!»

И Маруся поняла, что она подведёт весь драмкружок, если не выполнит требования Маргариты. Выхода не было, и Маруся запела...Это скорее был стон негодования, это были слёзы отчаяния, а не пение...

Потом Маруся забилась в угол сцены, как маленький затравленный зверёк, и заплакала навзрыд. Ей казалось, что она, действительно, бедная, обиженная Салли.

В зале стояла тишина, и только кто-то приглушённо всхлипывал...

А когда занавес опустился, поднялась буря аплодисментов. Прибежали девочки, пришла вожатая, пришла Варвара Фёдоровна, и все поздравляли Марусю Петрову, говорили, что она сыграла лучше всех, жалобно пела и очень естественно плакала.

Маргарита ласкалась к ней, как котёнок, и повторяла: «Непростительно было пропустить эту сцену, я артистка и в последнюю минуту не смогла пропустить такое сильное место. Я рада, что ты хорошо сыграла!»

Маруся больна

Обидно сидеть дома, когда на улице светло и весело от недавно выпавшего снега, когда первый морозец пощипывает и румянит щёки. Но Маруся Петрова больна, у неё грипп, и врач велел ей полежать в постели. Несколько дней она не была в школе и очень жалела, что ей пришлось пропустить контрольный

диктант по русскому языку. Утешало её только то, что Маргарита поневоле писала диктант самостоятельно и Марусе не пришлось прятать от неё свою тетрадь. А это нелегко — от подруги спрятать тетрадь! Если бы не болезнь, то, кто знает, хватило бы ли у неё решимости это сделать?

Маргарита не сердится на Марусю. Она навещает её по два-три раза в день. Приходило проведать Марусю всё звено в полном составе, и другие девочки приходили. Но Марусина бабушка неумолима, она гонит всех, говоря: «Бегите-ка лучше домой — заразный, говорят, этот «гриб»-то!»

Приходила вожатая, и Варвара Фёдоровна зашла проведать Марусю.

Маруся радовалась, что все любят и навещают её.

«Какая она хорошая!..— вздыхает про себя Маруся, думая про Варвару Фёдоровну.— А мы её обманываем... Да, да, и я обманывала, покрывая Маргаритины проделки...»

Загадочный случай

Уже поздно. В доме тишина. Но Варвара Фёдоровна не спит — склонившись над столом, она проверяет контрольные диктанты шестого «А» класса.

Работа подходит к концу, и текст диктанта она уже помнит наизусть.

Варвара Фёдоровна устала, но она довольна: её ученики написали работу неплохо. Она берёт ещё одну тетрадь.

«А, Солнцева,— думает Варвара Фёдоровна,— гордость нашего драмкружка! А вот пишет она до сих пор с ошибками. Пора бы Солнцевой писать на пятёрки, как её подруга Петрова. Жаль, что Петрова больна и не была вчера на диктанте...

Но что это с Солнцевой?

Слова «...Это было одиннадцатого сентября тысяча девятьсот сорок второго года...» я велела писать прописью, а у Солнцевой цифры. И красных строк нет — всё под одно написано. Я же во время диктанта каждый раз говорила, где нужно начинать с красной строки...»

Варвара Фёдоровна отложила в сторону красный карандаш и перестала проверять работу, совершенно озадаченная: в сере-

дине диктанта Солнцевой вставлена небольшая фраза: «Впереди расстилалась большая болотистая равнина». Этой фразы она не диктовала, и ни в одной из проверенных работ её нет. «Фраза знакомая-знакомая,—думает Варвара Фёдоровна.—Но как же она попала в диктант Солнцевой, если я её не диктовала?..»

Теперь учительница всматривается в каждую букву. В работе нет ни одной ошибки. Но, странное дело, даже почерк в работе Солнцевой сегодня немного не тот, так она пишет домашние работы: очень красиво и, видимо, медленно, выводя каждую букву.

Что случилось? В чём дело?

Случилось что-то непонятное

Сегодня первый раз после болезни Маруся Петрова в школе. За короткое время её отсутствия случилось что-то совсем непонятное.

Варвара Фёдоровна принесла контрольные диктанты и сказала:

— Одна ученица, которой я всегда доверяла, списала весь текст диктанта. Где и как? Не знаю. Не могу понять.

Маруся, сама не зная почему, невольно взглянула на Маргариту, сидевшую рядом с ней, и с ужасом заметила, что щёки Маргариты пылают, а чёрные глаза потуплены.

«Неужели она без меня успела натворить что-то невероятное?» — мелькнула мысль в голове Маруси.

— В работе этой ученицы нет ни одной ошибки, — продолжала Варвара Фёдоровна,— но я утверждаю, что текст полностью и заблаговременно она списала в свою тетрадь. И я требую, чтобы она объяснила, как это могло получиться! Мне хочется, чтобы виновная сама призналась и объяснила, в чём дело.

Но класс молчал. Ученики с недоумением смотрели друг на друга.

Когда в перемену Маруся отозвала Маргариту в дальний конец коридора, чтобы спросить у неё, не знает ли она, что случилось, к ним подошли две пионерки из их звена, и одна из них, Тоня Мухина, строго сказала Маргарите:

— Мы видели, что было в библиотеке. Только тогда мы не поняли, какой листок ты подняла. Неужели тебе не стыдно — ведь ты пионерка!

Тут Маргарита разрыдалась и всё повторяла:

— Ой, что я натворила! Что мне теперь делать? Я знаю, как я виновата.

Когда Тоня и Маргарита, перебивая друг друга, объяснили Марусе, в чём дело, Маруся спросила Маргариту:

— Ты мне подруга?

— Подруга.

— Так слушай, что я тебе посоветую: сегодня же на классном собрании признайся во всём сама, и в прежних проделках признайся тоже!

Что было в библиотеке

Это случилось несколько дней тому назад. Маргарита Солнцева после уроков вошла в школьную библиотеку. Там было всего две ученицы из её класса, которые выбирали книги и о чём-то оживлённо между собой перешёптывались. Затем в библиотеку торопливо вошла Варвара Фёдоровна.

Когда она стала вынимать из портфеля книги, то уронила на пол небольшой мелко исписанный листок бумаги.

Маргарита быстро нагнулась и хотела подать ей листок, но вдруг ей бросилась в глаза чёткая надпись: «Текст контрольного диктанта по русскому языку для 6 «А» класса», а сверху добавлено слово: «черновик».

«Контрольная завтра, а текст диктанта у меня в руках... Никто не узнает...» — мелькнуло в голове Маргариты.

Она боязливо оглянулась на Варвару Фёдоровну, но та выбирала книги и была поглощена своим делом. Тогда Маргарита быстро сунула листок в свой портфель.

На улице метель. Холодный резкий ветер дул Маргарите в лицо. Снег падал густыми хлопьями. Но Маргарита не замечала ни ветра, ни снега. Она спешила домой, точно спасаясь от погони. Всю дорогу до дому она мучительно думала, что ей делать: может быть, просто разорвать листок, не читая, и сейчас, здесь бросить его в снег? Но вдруг она подумала: «Вот удивится Маруся, когда я без неё напишу на пять!» Искушение было слишком велико...

Придя домой, Маргарита села за стол и, медленно выводя каждую букву, старательно переписала текст диктанта в свою классную тетрадь. Эту тетрадь она подала Варваре Фёдоровне после контрольной работы, а во время контрольной писала для виду в другой тетради.

Вот почему она не могла выполнить тех указаний, которые давала Варвара Фёдоровна в классе: и о том, где начинать с красной строки и что цифры нужно писать прописью. Она, конечно, не знала, что в окончательном тексте диктанта нет одной фразы, которая была в черновике...

На собрании

После уроков было классное собрание. Нет, это скорее была беседа. Маргарита рассказала, как она списала работу и как до этого списывала у Маруси домашние задания. Потом говорила Варвара Фёдоровна. Подругам было очень тяжело и стыдно перед всеми: перед Варварой Фёдоровной, перед всем классом, перед своим звеном, перед вожатой, которая, конечно, тоже была на собрании.

Маргарита на собрании не плакала, она казалась с виду даже спокойной, но для самолюбивой и избалованной похвалами девочки это было тяжёлое испытание. Она увидела с особенной ясностью, что никто не сочувствует ей. У Варвары Фёдоровны утомлённый и расстроенный вид, Наиля укоризненно качает головой. Валя Киняпина смотрит на Маргариту строгими, серьёзными глазами. И все ученики и ученицы, бывшие всегда её товарищами, возмущены её поступком. Маргарита низко опустила голову...

Долго ещё класс обсуждал случившееся, особенно резко осуждая последний поступок Маргариты.

Диктант написан одинаково

Время шло, и в классе понемногу стали забывать о случившемся.

Но вот однажды (это было уже в конце апреля) в стенгазете появилась заметка под таким заголовком: «Диктант Солнцевой и Петровой написан одинаково».

Когда Маруся Петрова, подойдя вместе с другими учащимися к вновь вывешенному номеру стенгазеты, увидела этот заголовок, сердце у неё сжалось, и ей захотелось закричать: «Нет, нет, это неверно: Маргарита теперь никогда не списывает!..»

Марусе живо вспомнилось, как Маргарита все эти месяцы упорно занималась русским языком, как она, Маруся, диктовала подруге по книге, как вместе они проверяли написанное, как радовались обе, когда Маргарита стала получать по русскому языку четвёрки и как, наконец, за последний диктант Маргарита впервые получила пятёрку,—и вдруг... эта заметка!..

«Несправедливо!..— думала Маруся, слёзы навернулись у неё на глаза, и буквы запрыгали; Маруся смотрела на заголовок, но дальше не могла прочесть ни слова.

— Петрова, ты о чём? — удивлённо спрашивали толпившиеся у стенгазеты ребята.

— Маргарита не списывала! Я знаю... Она не списывала!— крикнула Маруся, готовая расплакаться навзрыд.

Тогда ребята ей в ответ дружно рассмеялись:

— Ты не горячись, а почитай, почитай сначала! — смеясь, кричали они ей.

И Маруся Петрова прочитала:

„Диктант Солнцевой и Петровой написан одинаково.

Мы знаем, как старательно работала последнее время Солнцева по русскому языку и как помогала ей Петрова разобраться в том, что непонятно. Их труды не пропали даром: на днях Солнцева получила за контрольный диктант пятёрку. Это значит, что, наконец, наступил радостный день, когда обе подруги стали писать одинаково—без ошибок!"

Прыгая через ступеньку, побежала Маруся в нижний этаж, где в это время в пионерской комнате Маргарита занималась русским языком с Валей Киняпиной.

Они только что кончили заниматься и шли по коридору навстречу Марусе.

— А знаешь, Маруся, Валя сейчас в упражнении сделала только две ошибки! — торжествующе сообщила ей Маргарита.

Дела театральные

В школе проводится пушкинский вечер, и драмкружок подготовил инсценировку «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях».

Маргарита Солнцева играет царицу-мачеху, а Маруся Петрова — падчерицу-царевну. Готовились долго. Роли выучили отлично, — и спектакль прошёл очень удачно.

Хороша была Маргарита в роли гордой и своенравной красавицы-царицы, когда она, одетая в красный сарафан и высокий красный кокошник, расшитый золотом, капризно спрашивала зеркальце, кто на свете всех прекрасней.

Маруся тоже была неплоха в роли тихой и кроткой царевны — невесты королевича Елисея.

Сарафан на ней был надет светлоголубой, как небо в ясный солнечный день, как голубые глаза Маруси.

Трудно сказать, кто из них сыграл лучше: каждая играла

по-своему хорошо. Но некоторые находят, что Маруся Петрова затмила на этот раз свою подругу.

«Играть на сцене,— думает теперь Маруся,— как это интересно, хоть и очень трудно! Так вот почему Маргарита хочет стать артисткой!»

Будущая учительница и будущая артистка

Недавно Маруся и Маргарита сфотографировались вместе. Наконец, и карточки готовы. Вот они рядом, как живые, две подруги, такие разные на вид.

Одна черноглазая брюнетка с длинными косами и с длинными пушистыми ресницами, другая белокурая с большими голубыми глазами и чуть-чуть вздёрнутым носиком.

Маргарита написала на одной из карточек: «На долгую память будущей учительнице русского языка милой Марусеньке Петровой от её подруги — будущей артистки Солнцевой Маргариты». А потом неожиданно сказала:

— А может быть, было бы правильнее написать так: «На память будущей артистке Марусе Петровой от её подруги, будущей учительницы русского языка Маргариты Солнцевой». Знаешь, Маруся, я, может быть, буду не артисткой, а учительницей русского языка: это такое интересное, хоть и трудное дело — учить детей нашему великому русскому языку!

Звонок

Ксения Прокопенко *Рисунки В. Яковлева*

В парке листья облетают,
Тихо падают к ногам,
Путь-дорожку устилают
Первоклашкам-малышам.

Новичков встречает школа.
И зовёт их на урок
Голосистый и весёлый,
Первый в жизни их звонок.

Голосистый, серебристый,
Как весенний ручеёк,

Звонкий, радостный и чистый,
Здравствуй, первый наш звонок!

Прозвенит он — как прикажет!
И учитель в тишине
Много нового расскажет
О Земле и о Луне,
О Москве и о Китае,
И случается подчас,
Что звонка не замечает
За рассказом целый класс.

Голосистый, серебристый,
Как весенний ручеёк,
Звонкий, радостный и чистый,
Милый школьный наш звонок!

А когда придёт прощальный
Ученический денёк,
Звонкий, чуточку печальный,
Прозвенит для них звонок.

Голосистый, серебристый,
Как вечерний ручеёк,
Звонкий, радостный и чистый,
«В добрый путь!» — споёт звонок.

Леонид Фёдоров *Рисунки И. Артемьева*

Вовке уже восемь лет. Он очень весёлый и общительный мальчик. Все эти маленькие Васьки, Петьки, Маруси с коротенькими косичками — его друзья и приятели. К числу своих друзей он отнёс и меня. Может быть, тут сыграли роль мои рассказы о птицах и зверях, до которых Вовка большой охотник.

Вот и нынче маленький друг, узнав о моём возвращении с охоты, пришёл послушать рассказы и посмотреть, что принёс я из лесу.

А мне и рассказать не о чем. Не станет же уважающий себя охотник говорить о бесчисленных промахах и о том, как вместо выстрела два раза бесстыдно звякнула осечка.

Вовка сидел и терпеливо ждал. Морща лоб, я озабоченно думал, о чём рассказать. И тут неожиданно вспомнил о зелёной шкатулке.

Захватив Вовку, я отправился на чердак дома. Там, под грудой старых книг и негодного хлама, мы разыскали небольшой сундучок, выкрашенный в зелёную краску.

Бережно обтерев пыль, я принёс его в комнату.

Этот сундучок смастерил мне в детстве отец для игрушек. В семье его называли волшебной шкатулкой. В нём был плюшевый Мишка с распоротым животом, трёхногая лошадка,

паровозик, Ванька-встанька, небольшой лосиный рог и много других занятных вещей.

С годами содержимое шкатулки менялось. Место игрушек занимали другие, не менее интересные предметы. Однако лосиный рог с честью выдерживал все испытания и неизменно оставался на месте...

Со ржавым скрипом откинулась крышка сундучка, открывая нашим глазам настоящее сокровище.

Присев рядом с Вовкой, я перебирал содержимое шкатулки, рассказывая мальчику историю хранящихся в ней находок.

Вот высохшая птичья голова.

Как-то на окраине города, в развалинах старого монастыря, я нашёл убитого огромного ворона. Его клюв по толщине был немногим меньше кисти моей руки. Птица была очень старая, с пепельной от времени головой. В углах клюва росли жёсткие чёрные волосы, настоящие усы.

Искусство набивки чучел тогда ещё было мне незнакомо. Я ограничился препарированием одной головы.

Отец, увидя голову птицы, воскликнул:

— Ого! Наверняка этот ворон пировал на полях пугачёвских сражений!

Седая птичья голова вошла в мою бережно собираемую коллекцию. А в ней были редкие и дорогие мальчишескому сердцу предметы: кроме лосиного рога,— засушенная беличья лапка, крылья селезня и сухая шкурка змеи.

С годами коллекция пополнялась. Рос и мой интерес к жизни птиц и животных. Я вёл дневники, отмечал прилёт и осенний отлёт птиц, замерзание и вскрытие рек, появление цветов, листопад и другие явления природы.

Это увлечение усилилось, когда четырнадцати лет я получил в руки настоящее охотничье ружьё.

Охота научила меня зоркому, внимательному наблюдению за животными и птицами, открыла много тайн в жизни природы, помогала мне всё время пополнять свою коллекцию. И вот сейчас, уже будучи взрослым, я с удовольствием перебирал её, вспоминая свои детские увлечения и мечты.

Голова ворона напомнила мне воронёнка, которого я пытался научить человеческой речи, беличья лапка — о белчатах, вскормлённых кошкой, а крыло белолобой казарки — о случае, когда я остался жив только благодаря преданности своего друга — собаки.

— А это что такое, дядя Лёня?— Вовка протянул мне маленькое никелированное колечко. Я взял его в руки, металл потемнел, и я с трудом разобрал гравировку: «№ 2375. 1915 г. Каир».

Оно мне досталось весной 1930 года. Я охотился на озере Байнауш. День был серый, пасмурный. Утиные стаи одна за другой низко проносились над головой. Это был праздник весны, возвращение пернатых странников на родные места.

Стрелял я редко, не гонясь за количеством дичи. С маленькой лывки, окружённой пожелтевшим, измятым камышом, взлетел крупный красавец селезень. Почти в ту же минуту, откуда-то из-за высоких осин, сверху на селезня кинулся болотный лунь.

Я видел, как от удара острых когтей безжизненно мотнулась шея убитого в воздухе селезня.

Болотный лунь — страшный хищник. И я, не раздумывая, вскинул ружьё и выстрелил. Теряя перья, пернатый разбойник, вместе со своей жертвой, упал на землю.

На лапке убитого лунем селезня я обнаружил никелированное колечко. Мне было два года, когда окольцевали эту птицу. Пятнадцать раз совершал этот селезень перелёт от берегов Нила до уральских озёр. Сколько нужно было смелости и уменья, чтобы избежать все опасности, подстерегающие птиц на перелётных путях!

Раскрыв рот, слушал Вовка историю колечка. Когда я кончил, он шумно вздохнул и снова склонился над сундучком.

В его руках появилась мохнатая лапка белой совы с большими острыми когтями.

Это память разыгравшейся лесной трагедии.

Где-то на Крайнем Севере жестокие морозы и бураны выгнали белую сову с насиженных мест. В поисках пищи сова прилетела в наши края.

Изголодавшаяся хищница, выследив зайца-русака, впилась ему в шею когтями. Русак кинулся в чащу. Не помня себя от ужаса и боли, он мчался по лесу, пока не свалился в овраг вместе с истерзанной острыми ветвями совой. Тут я и нашёл их обоих, окоченевших, слегка припорошённых инеем...

На дне сундучка мы обнаружили пожелтевший листок плотной бумаги. На нём была нарисована тёмная птичка со светлой грудкой.

Я до сих пор помню нашу встречу с ней. Возвращаясь с охоты, я брёл вдоль ручья, не замерзающего даже в лютые морозы. А день был на редкость морозный и ясный. В холодных лучах зимнего солнца сверкали покрытые инеем сосны. Под ногой мягко хрустели снежинки. Взлетая при каждом шаге, они переливались радужными искорками и неслышно падали.

Неожиданно, в нескольких шагах от меня, с тревожным писком взлетела тёмная птичка и быстро юркнула в воду.

Ручей был прозрачный, и я видел, как она быстро бежала по дну.

Рассмотрел я её хорошо и дома, по памяти, сделал рисунок диковинной птички. Таких птиц в нашей местности я ещё не встречал.

Только много лет спустя я узнал, что это была олыпка, живущая около быстрых, не замерзающих ручьёв. Она питается личинками насекомых, которых так много бывает под водой в зимнее время.

Что говорить, это была прекрасная коллекция!

Вовка оценил её по достоинству. Снова и снова перебирал он содержимое сундучка. По его раскрасневшемуся лицу и блестящим глазам я понял, что передо мной — будущий любитель природы.

— Нравится? — спросил я, потрепав его по плечу.

Не отрывая взгляда от шкатулки, Вовка кивнул головой.

— Ну, что ж, в таком случае тащи к себе домой. Это тебе мой подарок!

От радости Вовка даже растерялся.

— Дядя Лёня, ты это шутишь? Нет? О-о-о! — Он взвизгнул и бросился меня обнимать.

В открытое окно я видел, как через улицу пробирался Вовка, сгибаясь под тяжестью сундучка.

На минуту мне стало грустно, но, вспомнив радость своего приятеля, я не пожалел, что расстался с заветным сокровищем.

Я был уверен, что коллекция будет Вовкой пополняться и дальше.

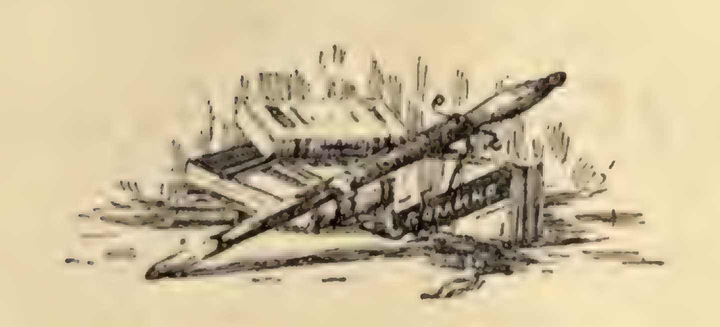

Петина болезнь

Людмила Татьяничева *Рисунки П. Цаплина*

Петя охает, взыхает:
Очень сильно ноет бок.
Мама Петина не знает,
Отчего он занемог.
Может быть, упал с забора,
Может, кость он проглотил
Иль соседский мальчик Жора
В Петю камнем угодил?
Петя охает, вздыхает,
Но и сам не понимает,
Отчего он занемог,
Почему болит весь бок?
Кто б подумал, в самом деле,
Что ушибся он... в постели?!
Каждый день, собравшись спать,
Он берёт к себе в кровать
Компас,
        кортик,
                ворох книг,

Домино и грузовик...
Всё, что в руки ни попало,
Тащит он под одеяло.
А вчера себе под бок
Положил он молоток,
Доску,
    обруч,
        самострел...
К утру Петя заболел.
Ломит бок.
    А почему?
Разъясните вы ему!

ОХОТА С МУЗЫКОЙ

Борис Ярочкин *Рисунки В. Яковлева*

Назначение на остров Александр Владимирович Бобыкин получил недавно и приехал на Симушир с первым пароходом на прошлой неделе, а сегодня, в выходной, решил ознакомиться с местностью и захватил ружьё.

Туман рассеялся.

Вдали показались сопки, покрытые ольховником, карликовым березняком и перепутанным курильским кедрачом. А за сопками высились голые скалы. Ближе, разбегаясь по равнине, рисовались небольшие холмики, одевшиеся молодой травой, и среди них, извиваясь, несла в море полные воды горная речушка, затапливая в низинах луга.

Весна на острове была в разгаре.

Прибрежные скалы Тихого океана и Охотского моря покрыли тысячи пернатых, образуя «птичьи базары».

А по заводям речушек, на равнине, и в их устье селились утки: черные и обыкновенные кряквы, шилохвости, чирки, клоктуны и каменушки, синьги и длинноносые крохали, хохлатая и морская чернеть...

Александр Владимирович шагал берегом разлившейся речушки, и в одной из заводей заметил несколько шилохвостей, но стрелять не стал,— среди них не было селезней, а утки уже несли яйца, бить их не разрешалось. Но спустя четверть часа между залитых водой кустов тальника он увидел селезня и, подпустив его на выстрел, убил.

— С полем вас, товарищ!— вдруг раздался чей-то мощный бас, и Бобыкин, повернувшись, с удивлением посмотрел на щупленького человека со скуластым лицом, красным, обветренным, и уже успевшим облупиться носом.

Незнакомец с любопытством оглядывал высокого Бобыкина.

— Новенький?— встретившись с Александром Владимировичем взглядом, быстро забасил он, и приятная улыбка разлилась по его худощавому лицу.— Однако будем знакомы. Морякиным называюсь, а величать Николаем Кузьмичом. Рулевым на сейнере работаю,— и протянул руку.

Познакомились.

Морякин, обутый в высокие резиновые сапоги, достал из воды селезня и пригласил Александра Владимировича на побережье Охотского моря, откуда без добычи вернуться невозможно: не хочешь, да убьёшь что-нибудь, не утерпишь!

— А стрелять по заводям уток — детская забава,— говорил словоохотливый Морякин, время от времени снизу вверх поглядывая на Бобыкина.— Вы вот сивуча убейте!

— А что это за зверь?— насторожился Александр Владимирович и вопросительно посмотрел на Николая Кузьмича.

— Верно сказали,— зверь. Сивуч — это ластоногое животное из семейства ушастых тюленей. Мясо его ценится. Жирное очень, а главное — вкусное и без запаха, хотя зверь и питается рыбой.

— Так сивучи живут в воде! — догадался Бобыкин.

— Ве-ерно,— кивнул головой Морякин.— Сивуч — морское животное.

— А как же их с берега стрелять?

— А вот в этом-то весь и секрет. Даю на отсечение голову, что вам его не убить,— хитро сощурил чёрные глазки Мрякин,— а я вот возьму сивуча.

«Наверно, лежбище знает на берегу, — подумал Бобыкин.— Там-то и я смогу убить зверя! Ведь тюлени неуклюжи, а сивуч из их семейства, значит, должен быть тоже нерасторопен, на выстрел успеешь подбежать, пока он доползёт к воде».

Но вслух ничего не сказал.

Обойдя одну из сопок, они повернули к Охотскому морю.

На скалистом побережье охотников встретил птичий гомон. Птиц было такое множество, что у Бобыкина разбежались глаза. На каждом камне, на каждом выступе скалы или утёса

были птицы; от их оперения скалы казались то чёрными, то серовато-белыми.

Морякин вскинул ружьё и выстрелил вверх. И в следующую секунду поднялся невообразимый хаос. Птицы сорвались со скал и закружились над берегом, криком и гоготом выражая свое недовольство.

— Да-ааа,— улыбнулся Бобыкин, наблюдая за птицами.— Недаром люди эти сборища пернатых назвали «птичьими базарами». Как на базарах, крик, шум!

— Кутерьма-аа!— охарактеризовал зрелище Морякин и, махнув на «птичий базар» рукой, увлёк за собой спутника.

Когда они подошли к заливу, окаймлённому мелкими сопками и скалами, Морякин, указывая на группу скал в море, сказал:

— Видите островки?

— Вижу.

— И больше ничего не замечаете?

— Не-ет,— протянул Бобыкин.— А что?

— Ну и зрение же у вас,— рассмеялся Морякин.— А вы присмотритесь. Крайний слева камень, его восточный склон. Тоже не видите?

— Сивуч? — скорее догадался, чем увидел Бобыкин, рассматривая сливающийся с камнями тёмный предмет.

— Точно!— весело отозвался Морякин.— И не один. Два, три, четыре штуки! — сосчитал он.

Но ведь их с берега выстрелом не достать!

— А это мы сейчас увидим,— уклончиво ответил Николай Кузьмич и, показав на плывущих по заливу трёх сивучей, велел Бобыкину спрятаться за камни.

Сивучи плыли в сотне метров от берега, направляясь к скалистым островкам, где грелось на солнце целое семейство. Животные то пропадали среди волн, то вздымались на гребнях — и тогда хорошо были видны их огромные тела.

Бобыкин с интересом смотрел на сивучей, не представляя себе, как это Морякин умудрится взять их выстрелом. Но вот Морякин, лёжа среди камней, начал играть на губной гармошке.

— Что вы делаете? — опешил Бобыкин.

Николай Кузьмич не ответил. Его чёрные, смеющиеся глаза загадочно щурились, а вытянутая рука показывала в сторону моря. Александр Владимирович машинально перевёл взгляд туда. Сивучи повернули к берегу и, часто останавливаясь, поднимались из воды и застывали на месте, слушая музыку.

Теперь Бобыкин отчётливо видел их темнобурые туловища, высунутые чуть ли не на метр из воды. Шея у сивучей короткая, на небольшой округлой голове, смахивающей на собачью, виднелись ушные раковины.

— Ну и ну-уу!— покачал головой Александр Владимирович,— охота с музыкой!

Когда сивучи приблизились к берегу метров на двадцать пять — тридцать, Морякин, показывая на ближайшего, шепнул:

— Цельтесь в голову, стреляйте пулями,— и заиграл опять.

Бобыкин быстро зарядил оба ствола и, подняв ружьё, упёрся локтями о камни. Тщательно прицелившись сивучу в голову, он выстрелил дуплетом.

Когда дым рассеялся,— на море никого не было.

«Неужели не попал, и они ушли под воду?— недоумевал Бобыкин.— Не должно быть, на таком расстоянии я бью без промаха!»

Вскоре вдалеке вынырнули два сивуча. Они быстро уходили в открытое море и ревели, словно верблюды.

— А где же третий?— поднимаясь из-за камней, проговорил Бобыкин.

— На дно пошёл,— засмеялся Морякин, подходя к Александру Владимировичу.— Вон видите на воде красное пятно показалось? Теперь сивуч от нас никуда не уйдёт. Даже если ранен, то всё равно вылезет на берег: морская вода быстро разъест рану.

Его слова подтвердились.

Часа через два, когда на море наступил отлив, громадная туша сивуча осталась на гальке.

— Вот это охота,— с удовольствием промолвил Николай Кузьмич, начиная свежевать добычу.— Метра три в длину будет, а весом килограммов семьсот. А вы на каких-то уток время тратите!

Александр Владимирович счастливо улыбался, рассматривая и гладя рукой короткую и жёсткую, как щетина, черно-бурую шерсть сивуча.

«Хорош ковёр в комнате будет,— думал он,— на весь пол хватит!»

Смытое пятно

П. Корноухов *Рисунки М. Филатова*

Ребята увидели рассерженное лицо учительницы и напряжённо притихли.

Мария Александровна нервно бросила портфель на стол, резко раскрыла классный журнал и отошла к окну.

— Решать задачу у доски будет Маша Шурова,— объявила она и, строго взглянув на ученицу, продиктовала условия задачи.

По уверенному стуку мела о доску она поняла, что решение идёт быстро, и, облокотившись на подоконник, задумалась. Перед её глазами всё ещё стоял директор школы, и она вновь слышала его строгие поучительные слова: неправильный стиль... строга в обращении... нет подхода к детям... жалобы родителей...

— Я решила,— сказала Маша.

— Решила? Это ответ? Неверно, Маша. Садись на место. Кто же правильно решит эту задачу?

Наступила напряжённая тишина. Нахмуренные ребята молчали. Не поднимая руки, встал Володя, сосед Маши. Он взволнованно, но твёрдо сказал:

— Мария Александровна, я решил задачу, ответ у меня получился такой же.

— Ты, Володя, повторяешь ошибку Шуровой, она невнимательно слушала условия задачи, и всё решение поэтому неверно, эта же ошибка и у тебя.

— Не только я, все поняли так, и у всех ответы одинаковые.

— Хватит, Володя, садись. Значит, все вы невнимательно слушали, — резко сказала учительница.

Побледневший от волнения Володя обернулся к Маше:

— Скажи, Маша, тебе же в журнал двойку поставили!

Маша низко опустила голову и молчала.

После уроков, когда Маша одиноко и медленно шла домой, её догнал Володя.

— Маша! Почему ты ничего не сказала, ведь тебе двойку неправильно поставили?

— Ну и пусть, так и должно быть, а за несправедливость она ответит перед кем надо.

— Перед кем это? Уж не перед директором ли?

Маша заглянула в глаза Володи.

— А ты никому не расскажешь?

— Никому!

— Перед богом ответит!

Володя решил, что Маша шутит, и засмеялся, но, увидев её серьёзное лицо, оборвал смех и даже приостановился от удивления. А Маша задумчиво говорила:

— Ты только, пожалуйста, никому об этом не говори, я тебя очень прошу. Если узнают, мне совсем плохо будет. Я бы и тебе не сказала, но мне так тяжело, так тяжело!

Володе стало жаль Машу, и он старался её успокоить.

— Ты, Маша, хорошо учишься, исправишь двойку, не расстраивайся, — говорил он, а сам думал: «Так вот почему она такая тихая, покорная, с девочками не дружит, терпит всякие обиды и всегда молчит».

Володя заступался за Машу много раз, но она никогда не поддерживала своего защитника и молча отходила в сторону. И сейчас она, молчаливая и печальная, шла рядом и не отвечала на слова Володи.

— До свиданья,— сказал Володя, когда она завернула во двор. В ответ Маша кивнула головой.

Вечерние лучи зимнего солнца заискрились цветными огоньками на морозных узорах окна и осветили склонившуюся над книгой Машу. Она оторвалась от чтения и задумчиво посмотрела на жёлтый, заходящий за горизонт диск солнца. В глазах её отразились живые огоньки, но лицо, окаймлённое тёмными косами, было задумчиво и серьёзно.

У другого окна комнаты, задёрнутого занавеской со старинными пожелтевшими кружевами, сгорбилась над вязаньем старушка. Завязанный под подбородком чёрный платок скрывал её морщинистое лицо. Когда красноватый свет солнца осветил комнату, она подняла голову и настойчиво проговорила:

— Хватит тебе, Машенька, заниматься, так и голова заболит.

— Мне ещё немного, бабушка,— ответила Маша.

— Ну, занимайся, занимайся, внученька, вразуми тебя, господи.

— Вы, бабушка, всё господи да господи, а вот в школе говорят — бога нет, всё это выдумки.

— Что ты, что ты, внученька! — Бабушка испуганно взглянула поверх очков. — Не говори никогда так. Бог-то, он всё слышит, за такие слова наказание пошлёт, а ты и так сиротинка.

Было поздно, когда усталая Маша легла в постель. Кровать качнулась вначале тихо, потом сильнее, как детская качалка. Маше снилось, что рядом сидит мама и баюкает её.

Вдруг мама исчезла. Что-то тяжёлое, тёмное надвинулось на Машу, сдавило горло, стало трудно дышать.

— А-а-а!..— закричала девочка, хватаясь за косы, обвившие шею.

— Что с тобой? Очнись, Машенька...— сонная бабушка, охая, зажгла свет.

Испуганная, дрожащая Маша прижалась к ней.

— Я тебя разбудила, бабушка,— виновато говорила она и рассказала приснившийся сон.

— Истина тебе приснилась, внученька, истина,— говорила

бабушка,— плоть умирает, а душа человеческая живёт вечно, вот мамина душа-то и прилетела навестить тебя, попроведать, а темнотой бог попугал. Кто в бога не верит, он того в страшный ад на вечные муки.— Прости меня, господи,— взглянула она на развешанные в переднем углу иконы,— а ты вечор неверие высказала богу-то.

— Мне страшно, бабушка, я не буду так говорить! — воскликнула Маша, ещё сильнее прижимаясь к старушке.

— А ты помолись, Машенька, попроси прощенья, тогда и уснёшь спокойно.

— Помолюсь, бабушка.

* *
*

Володя весь вечер чувствовал себя неспокойно. Отец заметил и, ласково проведя рукой по голове сына, осторожно спросил:

— О чём думаешь, Володя, что-нибудь случилось?

— Да, папа,— и Володя рассказал случай в классе и разговор с Машей.

— Дело очень серьёзное,— задумчиво сказал отец,— пятый класс, пионеры, а девочку до чего запустили — в бога верит! Нет, несмотря на обещание, молчать ты не имеешь права. Завтра же посоветуйся с пионерами. Это пятно прошлого нужно смыть.

На другой день в пионерской комнате собрался совет отряда. Володя очень волновался.

— Вы знаете, ребята, Маша Шурова учится в нашей школе с первого класса, пионерка, учится хорошо. А вот вчера, когда мы вместе шли домой, она сказала, что верит в бога, и ещё она плакала за то, что ей двойку поставили,—Володя сморщил брови.— И это наша вина. У Маши нет родителей, она всё с бабушкой, да с бабушкой, вот и научилась в бога верить. Нам нужно смыть это пятно прошлого,— повторил он слова отца.

— А я, ребята, думаю так,— предложил Игорь,— раз она верит в бога, значит, она не пионерка, и нужно её исключить.

— Нужно ещё и в стенгазету нарисовать карикатуру— иконы, лампады, и она на коленях, вот бы здорово получилось,— поддержал его Коля.

— Ох, и интересные вы, ребята,— насмешливо сказал Миша.— Вам бы только разрисовать да исключить, а дальше что?..

Игорь и Коля переглянулись, они и в самом деле не знали, что дальше.

— Я считаю, что это не по-пионерски. Мы знаем, что она сирота, учится она хорошо, нужно ей помочь понять, что бога нет, а исключением мы её ни в чём не убедим.

Ребята задумались.

— Ура! — закричал Володя.— Придумал! Ура! Мы давно говорим, что надо организовать кружок натуралистов, а никто за это дело ещё по-серьёзному не взялся. Пойдёмте к директору, попросим, чтобы хорошего руководителя прикрепили. И Машу в кружок вовлечём. А в кружке надо, чтобы на эту тему, ну, в общем, о природе и о том, что нет бога, а от людей всё зависит, всё хорошо нам объяснили.

...Через несколько дней Володя на большой перемене объявил запись в кружок натуралистов.

— Меня запиши!

— Меня!

— Меня!

Володю обступили ребята.

Когда все желающие были переписаны, он зачитал список.

Среди фамилий мальчиков и девочек Маша услышала и свою, она поняла, что Володя хочет, чтобы она была в этом

кружке. Маша и сама думала записаться, но хотела прежде посоветоваться с бабушкой.

— Сегодня,— продолжал Володя,— будет первое занятие кружка.

После уроков в класс вошла пожилая незнакомая учительница.

Внимание ребят привлёк орден Ленина, ярко выделяющийся на её тёмном костюме.

— Здравствуйте, ребята, зовут меня Вера Васильевна, я преподаю зоологию в старших классах, а теперь ещё буду вести ваш кружок натуралистов.

Зимой мы ограничимся опытами в биологическом кабинете, а летом будем работать на станции юных натуралистов. Ваши наблюдения и опыты, которые вы будете проводить сами, помогут вам понять, как произошёл растительный и животный мир, по каким законам он развивается.

Мы живём с вами, ребята, в удивительном мире растений и животных. Всюду нас окружают интересные и на первый взгляд загадочные явления. Почему бабочки бывают ночные и дневные, чем это объяснить? Почему растения поворачивают свои цветы и листья к солнцу? Может ли у нас на Урале вырасти виноград? Это только очень небольшая доля вопросов, в которых нам с вами надо разобраться.

Володя украдкой взглянул на Машу.

Увлечённая рассказом Веры Васильевны, она не заметила его взгляда.

Домой ребята шли все вместе.

На улице было морозно. На тёмном небе ярко сверкали звёзды.

— А знаете, ребята,— сказала Маша,— старые люди говорят, как родится человек, так появляется новая звезда, а как умрёт — его звёздочка падает.

— Это попы научили старых людей так думать,— ответил Володя.— Родился под несчастной звездой, так живи всю жизнь в несчастье да бедности. А у помещиков и капиталистов счастливые звёзды, поэтому рабочие и крестьяне должны на них работать и не возмущаться. А когда рабочие и крестьяне в революцию уничтожили помещиков и капиталистов, так все эти раз-

говоры оказались сказками. Спросим вот Веру Васильевну на следующем занятии.

Занятия в кружке очень заинтересовали ребят. Многие из них не поехали в пионерские лагеря, чтобы не прерывать опытов над растениями и животными. Жаль было оставлять грядки с выросшими на них цветами, ягодами, овощами.

Не поехала в лагерь и Маша. Рано утром Володя осторожно подходил к окну Машиного дома, и они вместе шли к станции юных натуралистов. Приятным ароматом цветов и утренней свежей прохладой встречал их сад, выращенный заботливыми руками юннатов.

— Смотри, Маша, какие громадные георгины у меня распустились!

— У меня тоже расцвели, только чуточку поменьше.— Маша побежала к своим цветам...

Но сегодня Володя не услышал её радостных возгласов. «Что-то случилось»,— подумал он и пошёл к Машиному участку, Маша сидела у грядки и держала в руках два повядших георгина. Палка, брошенная через забор, надломила их высокие стебли.

— Самые лучшие цветы погибли,— горевала она.— И кто мог это сделать?

— Я бы этого хулигана так отдубасил сейчас,— гневно сказал Володя.

— Маша! — вдруг закричал он,— у винограда земля сухая, вчера полить забыли.

Маша схватила лейку и заторопилась за водой. Володя тем временем побежал к своим грядкам и, быстро работая короткой лопаткой, выкопал два крупных георгина и пересадил их в Машину грядку.

Когда Маша полила виноград и вернулась к своему участку, она увидела два громадных яркобор-

довых георгина. Потревоженные цветы тихо покачивались на утреннем ветерке.

Маша увидела рассыпанные на дорожке свежие комочки земли и поняла всё.

— Спасибо, Володя, только зачем самые лучшие? Они повянуть могут.

— Что ты! Что ты, Маша! У меня все они лучшие, а потом это для меня не главное. Главное — вот, смотри, целую тетрадку исписал — доклад, сейчас читать вслух буду, слушай.

— Трудно, Володя, доклад подготовить? — спросила Маша.

— Нет, только позаниматься надо.

— У нас почти все делали доклады, только я нет,— огорчённо сказала Маша.

— А ты согласишься? — спросил Володя.

— Боюсь, что у меня не получится.

— Получится, Маша, обязательно получится, а на какую тему ты хочешь?

— О развитии растений в разных климатических условиях. Я уж готовиться начала, только ты пока никому не говори.

— Смотри, Маша, только бога не прогневай, вдруг обидится и накажет,— сказал Володя.

В ответ Маша рассмеялась:

— Я уже давно в бога не верю, Володя!

КАК Я грамматику ПОВТОРЯЛ

(Из рассказов Сени Оплошкина)

Николай Садовый | *Рисунки Б. Неткачева*

Вечером вчера зашёл ко мне мальчик с нашего двора. Снял шапку, пальто, снял калоши.

— Что-то,— говорит,— вид у тебя нехороший? Что ты, Сеня, повесил нос?

А я говорю: — Мучит меня один вопрос.

— Какой?— спрашивает Павел.

— Не помню я грамматических правил...

— Это,— Павел сказал,— не беда: мы их припомним сейчас без труда.

Выпил Павел воды стакан, сел поудобней на мягкий диван и говорит: — Сделай Сеня, одолжение: скажи, что такое простое предложение?

— Это в котором простые слова!

Павел смеётся: — Эх ты, голова! Ловко ответил. А ну-ка, скажи, какие знакомы тебе падежи?

— Падежей,— говорю,— немало, Павлуша. Вот какие я помню — послушай. Винительный и числительный, дательный и страдательный, существительный и несовершенный...

— Ответ отменный,— сказал Павел.— Очень ты меня позабавил. Ладно, теперь назови глагол.

Я моментально ответил: — Стол!..

— Так... А о корне ты слышал, Сеня?

— Как же! Он есть у любого растения!

Встал мой приятель с мягкого дивана, выпил воды полтора стакана, зачем-то потрогал рукой мой лоб, а потом по плечу меня — хлоп!

— Ответом твоим,— говорит,— недоволен. Выпей воды, ты, наверное, болен.

— Нет,— отвечаю,— здоров вполне.

— Тогда скажи по секрету мне: ты сегодня учебник читал?

— Как же! Почти сто страниц отмахал. Всё разузнал про глагол и причастие. Теперь профессор по этой части я!

Павел хохочет: — Тогда всё ясно! Время ты, Сеня, потратил напрасно: пользы от чтения такого нет, в голове от него — винегрет.

Вылечился

Николай Садовый

Рисунки П. Цаплина

Вожатый спросил
У Аркаши вчера:
— Ты хворост пойдёшь
Собирать для костра?
Промолвил Аркаша:
— Охотно б помог,
Да так я устал,
Что не чувствую ног...
Аркаша качнулся
И сел на пенёк.
Вдруг видит:
Шагает к нему паренёк.
— В футбол мы играем
В шестнадцать ноль пять,—
Сказал он,—
Ты будешь
В воротах стоять!..

Забыл про недуги
Аркадий Титов:
— В футбол?
Вратарём?
Я сейчас!
Я готов!

Рассказ

Николай Сёмин *Рисунки П. Никулина*

За обедом Костя сказал маме:

— Я думаю записаться в акробатическую секцию. Иду на стадион «Динамо».

— Артистом цирка задумал стать? — удивилась мама.— Да и какой из тебя акробат, если ты каждую зиму три раза болеешь ангиной!

— Акробат вовсе не обязательно должен быть артистом. Он может быть просто спортсменом или даже... научным работником.

— Ещё что выдумал!— улыбнулась мама.

— Акробатика — спорт,— сказал Костя.— Спортсмен может хоть где работать.

— Что вы там будете делать?

— Всё будем проходить: и «арабское колесо», и сальто, и каскады. Акробатика — старинное искусство, им занимались ещё в древнем Египте.

— Что ж, занимайся. Но помни: после первой же двойки с искусством древнего Египта будет покончено навсегда.

Старший тренер Иван Григорьевич встретил Костю на стадионе вопросом:

— В каком классе учишься?

— В пятом.

— На коньках катаешься? Утреннюю зарядку делаешь каждый день?

— Нет,— ответил Костя, глядя в сторону,— не каждый день.

— А простудными заболеваниями — гриппом, ангиной — часто хвораешь?

— В этом году болел только два раза,— тихо сказал Костя.

— Ну вот, видишь. Спортсмен должен быть всегда здоровым и бодрым, а у тебя, мой милый, и сейчас какой-то хилый вид... Вот что. Детская группа у нас уже укомплектована.

Иван Григорьевич немного помолчал, что-то соображая, потом сказал:

— Следующий набор в секцию будет весною. Будешь первым кандидатом. Но готовься, тренируйся, делай зарядку каждый день обязательно. И лучше всего на открытом воздухе. Ходи на лыжах, бегай на коньках.

Узнав о неудаче Кости, мама и папа ничуть не огорчились.

— Ничего, будешь акробатом на полгода позже,— сказала мама.

— Не падай духом,— улыбнулся папа.— «При каждой неудаче давать умейте сдачи!» Дадим сдачи, а?

Костя не обиделся на шутку. Он принял твёрдое решение.

На следующий день, хотя утро было морозным, ровно в семь часов десять минут Костя вышел во двор. Было ещё совсем темно, дул морозный ветерок. В большом дворе не было никого. Только учительница из восемнадцатой квартиры, пенсионерка, прогуливала свою овчарку Киску. Костя получше заправил шерстяной свитер в лыжные брюки и начал зарядку. Сначала он пробежался, потом попрыгал на одной ноге вокруг заваленной снегом цветочной клумбы.

После второго круга Косте стало тепло и приятно. Когда все приседания, повороты, упоры и «ласточки» были проделаны по шесть раз, Костя пошёл домой. Дома он разделся до пояса, почистил зубы, помылся под краном холодной водой, растёр тело докрасна махровым полотенцем.

Весь ноябрь Костя каждое утро делал зарядку во дворе.

Как-то в первый понедельник декабря он проснулся и почувствовал знакомую вялость и лёгкую боль в горле. «Не заболел ли опять?» — подумал Костя и испугался. Не хотелось вставать из тёплой постели.— «Подремать бы ещё минуток десять...» Костя укрылся с головой одеялом. Но через секунду вскочил с кровати, быстро натянул свитер, лыжный костюм, выбежал во двор. «Это называется силой воли? — возмущался Костя своей минутной слабостью.— А ещё физкультурник... Акробатическая секция!..»

Кусты сирени были занесены снегом, на столиках и скамейках детской площадки лежали белые холмы.

Зарядка прошла обычно. На другой день Костя почувствовал себя гораздо лучше, а ещё через день совсем забыл о том, что собирался хворать.

Костю теперь знал весь дом. Из окон пяти этажей любопытные смотрели, как мальчик проделывает упражнения. Первым высказал ему свои соображения оперный певец Петров, который каждое утро водил во дворе громадного рыжего пса. Певец был в шубе с поднятым воротником, горло кутал шарфом.

— Простудитесь, молодой человек,— сказал артист, остановившись у клумбы.— Потеряете голос.

Пёс в подтверждение этих слов пролаял три раза.

— А зачем мне голос?— спросил Костя.— Я ведь ученик, не певец.

— Всё равно. Потеряете здоровье,— сказал артист.

— Нет,— сказал Костя,— здоровья я не теряю, наоборот,— укрепляю.

— Ну, что ж,— сказал Петров,— желаю вам успеха. Пойдём, Рекс.

И певец важно удалился.

Через несколько дней, возвращаясь из школы, Костя увидел его на площадке третьего этажа. Очень бледный, тяжело дыша, артист держался за железные перила и сумрачно глядел в окно.

— Что с вами?— заботливо спросил Костя.

— Лестница. Сердце слаёт, друг мой. Не те годы.

— А сколько вам лет?— деловито осведомился Костя.

Петров слабо улыбнулся.

— Сорок четыре.

— Вы ещё молодой,— сказал Костя.— Я думал, вам уже шестьдесят.

— Почему шестьдесят?— спросил артист с явным неудовольствием.

Костя замялся.

— А потому, Сидор Лукич, что у вас очень большой живот,— выпалил он.

— Ну, милый мой, по животу нельзя определять возраст. Но, действительно, живот мой — враг мой. Я ведь лирический тенор. Пою Ленского и другие партии. Если я потолстею ещё хоть немного, то с этими партиями придётся расстаться.

— А вы не с партиями расставайтесь,— сказал Костя,— а с животом.

— А вот с ним-то мне и трудно расстаться,— пошутил артист.— Он ко мне очень привязан.

Сидор Лукич отдышался, но бледность ещё не сошла.

— Есть средство,— серьёзно сказал Костя.

— Какое?— брови артиста превратились в два вопросительных знака.

— Простое!— сказал Костя.— Делайте каждый день зарядку, ходите на лыжах, бегайте на коньках. Соблюдайте правильный режим.

— Милый мой,— засмеялся артист.— Я бы охотно стал заниматься всем этим, но боюсь, что не выдержу — сердце слабое. А потом... я не знаю, с чего начать.

— Приходите завтра к восьми часам утра к большой клумбе. Будем вместе делать утреннюю зарядку.

Выходя утром во двор, Костя подумал: «Не придёт».

Но певец оказался на месте — в лыжном костюме, свитере.

— Ну, здравствуй, Костя,— поздоровался он.

— Здравствуй, Сидор Лукич.

— Я готов. Жду тебя уже три минуты.

Сначала они пробежались по двору, потом Костя заставил Сидора Лукича поскакать вокруг клумбы на одной ноге. С непривычки это было тяжело. Запыхавшись и раскрасневшись, Сидор Лукич остановился.

— Ну, на сегодня, пожалуй, довольно.— И добавил, показывая на окна дома:— Ты посмотри — здесь зрителей больше, чем в театре.

Во многих окнах виднелись улыбающиеся, смеющиеся лица любопытных.

— Пускай смотрят, если интересно,— сказал Костя.— Сначала на меня еще больше народу смотрело. Не стесняйтесь!

— А я не обращаю внимания,— сказал Сидор Лукич.— Я привык к зрителям.

Недели через две после начала совместных тренировок Сидор Лукич признался:

— Ты знаешь, Костя, живот мой стал убывать. И главное — сердце стало лучше работать.

В апреле кусты и деревья во дворе покрылись жёлто-зелёным нежным пушком. Физкультурники скинули шерстяные свитеры.

Как-то ясным утром Костя и Сидор Лукич прыгали вокруг клумбы навстречу друг другу, а дедушка Никитич из третьей квартиры с внучкой Наточкой двинулся в свой обычный путь в детский сад. Он остановился, чтобы, по обыкновению, пошутить над обоими физкультурниками. Но на этот раз раздумал, быстро снял пиджак и повесил его на ветку тополя.

Затем дедушка отвёл руки в стороны, сделал глубокий вдох. Потом стал делать приседания. Наточка посмотрела на дедушку с удивлением, подумала-подумала, стала против него и принялась повторять движения.

К концу апреля во дворе на зарядку стало выходить уже довольно много жильцов. Пожилой бухгалтер Сидоренко из пятой квартиры занимался с гантелями. Ученицы горного техникума Нюра, Галя и толстушка Люся тренировались в беге, готовились к предстоящим соревнованиям. Директор завода Жариков делал зарядку вместе с женой Анной Семеновной. Они играли в мяч и прыгали через скакалочку.

Однажды утром Никитич, подойдя к Сидору Лукичу и Косте, сказал:

— Примите нас в свою группу.

— Принять-то мы можем,— ответил Сидор Лукич,— но и мы ведь тоже не специалисты, не тренеры. Разве вот Костя.

Подошли бухгалтер Сидоренко и директор завода Жариков.

— В самом деле, чем он не тренер?— сказал Жариков.

— Верно, Костя,— подтвердил Сидор Лукич.— С тебя всё и началось. У тебя есть опыт.

— Мы поможем,— предложили девушки из горного техникума.

Перед обедом Костя сказал маме:

— Я пойду сегодня после уроков на стадион.

— Каким ты, однако, большим стал, мой маленький,— заметила мама.— Сильный, крепкий... И ангиной совсем не болеешь... Акробатом будешь?

— Акробатом я, может, и не буду. А в секцию поступлю...

Иван Григорьевич, завидев Костю на стадионе, воскликнул:

— А, старший тренер!

Костя покраснел.

— А вы откуда знаете?— неловко спросил он.

— Земля слухом полнится... Ну, в секцию идёшь? Давай, у нас новый набор.

— Иду,— сказал Костя.— Примете?

Грицко Бойко *Рисунки П. Никулина*

Вот Андрейка-
Неумейка,
В неуменьи он мастак:
Что б ни делал,
Неумело
Получается, не так.

В класс Андрейка-
Неумейка
Пирожки с собою взял —
Жиром сразу
Перемазал
В сумке книжки и пенал.

В карте белой
Клякса села.
Но Андрей в решеньях скор:
Кляксу в карте
Тёр с азартом —
Дырку целую протёр.

Подметал он,
Хуже стало —
Больше в доме насорил.
Плох он всюду:
Мыл посуду —
Чашку с блюдечком разбил...

Оборвались,
Затерялись
Пуговки с воротника.
Поспешил он —
И пришил он
К брюкам с пуговкой рукав..

Для Андрейки-
Неумейки
Вбить гвоздочек не с руки.
Он за дело
Взялся смело:
— Бац!— на пальцах синяки...
Еле-еле,
Две недели
Конуру сбивал для пса,—
У Андрейки-
Неумейки
Вышел домик для скворца...

Домик этот
Разным цветом
Стал он красить, кисть принёс,—

Снова му́ки:
В краске руки,
Ноги, уши, даже нос...

Он скворешню
На черешню
Вдруг повесить захотел,—
Закачался
И сорвался,
Со скворешней полетел.

Вот Андрейка-
Неумейка
Клеит змея малышам.
Склеить змея
Не умеет,
Приклеился к сту́лу сам.

Он, ребята,
Взял лопату
И под яблоньку вонзил.
— Ой, Андрейка-
Неумейка,
Ты же корни разрубил!

Вот Андрейка-
Неумейка
Захотел уху сварить:
Взял рыбёшку,
Соли ложку,
А воды... забыл налить!..

Взял он у́ду:
— Удить буду —
Комары в ответ:— зу-зу!—
Наш Андрейка-

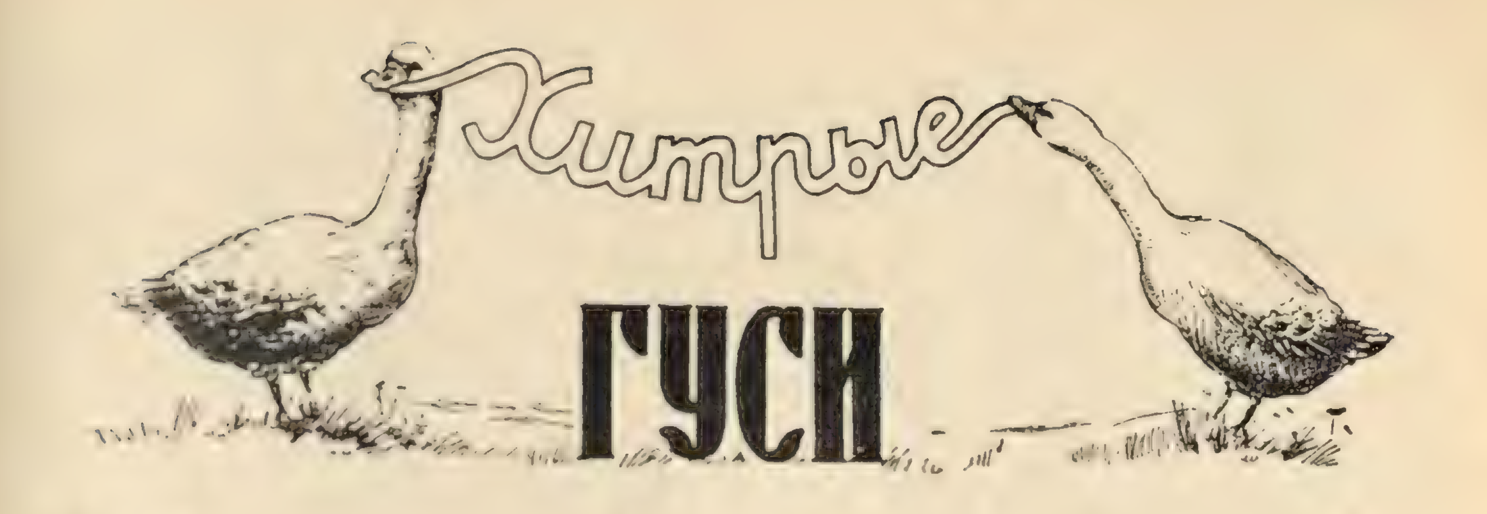
Неумейка
На крючок поддел... козу!

Шёл он с нами
За грибами,
И от нас в пяти шагах
Наш Андрейка-
Неумейка
Заблудился в трёх соснах!

Нам с Андрейки-
Неумейки
Брать пример никак нельзя,
Ведь Андрейке-
Неумейке
Будет трудно жить, друзья!

Перевод Е. Ружанского

Борис Рябинин *Рисунки В. Мишина*

— Банг! банг! банг! банг! — разносились над озером звонкие удары.

По этому сигналу из всех прибрежных кустов появлялись утки, укрывавшиеся в тени от летнего зноя. Шумной толпой, вперевалку, торопясь и обгоняя одна другую, они бежали к воде, бултыхались в неё с разбега и затем, усердно работая перепончатыми лапками, быстро плыли туда, куда звал их этот звук. Оглушительное кряканье, хлопанье крыльев наполняли воздух.

Обед! Обед!

Переплыв озеро, сплошной копошащейся массой, спинка к спинке, они выходили на берег, шли в затянутые проволочной сеткой дворики и с жадностью набрасывались на еду.

Кормушки уже расставлены, в каждую засыпана вкусная мешанка — влажная овсянка-крупа с отрубями, кукурузные зёрна или горох.

Утки едят пищу с поспешностью, словно боясь, что её могут отнять у них. Давятся, отпихивают друг друга. Тут уж не зевай. Прохлопаешь глазами — останешься голодной!

Через несколько минут все кормушки будто кто прочистил скребком: сухо! Дай ещё столько же — съедят!

Не такие — гуси.

Гуси — важные. Ходят они медленно, не спеша, держатся особняком, на пищу не накинутся без оглядки.

Гусь — птица крупная, веса в нём побольше, чем в утке, оттого и важности хоть отбавляй. Есть примется — глотает кусок за куском, как отмеривает. Проглотит, голову поднимет, посмотрит по сторонам, опять проглотит... Точно прислушивается всё время. Такая уж у них привычка. Недаром дикие гуси даже сторожей выставляют, когда стая кормится на лугу или в поле. Чуть услышат что-нибудь подозрительное — сейчас же поднимут тревогу.

И за себя постоять они умеют. Клювы у них сильные, твёрдые — попробуй, сунься! Так щипнёт — не обрадуешься! А как загогочут, замашут крыльями — ветер поднимется!

Уток много, а гусей на ферме всего десятка полтора, но их сразу различишь по белому оперению да длинным шеям, которые они то и дело вытягивают кверху, желая всё знать, всё видеть. Гуси себе на уме. Потому, наверное, утки и бегают за ними. Куда одни, туда и другие. Вот ведь привязались!

Кончился обед, опустели дворики. Снова вся птица на воде или в кустах.

Птичницы принялись наводить порядок в своём хозяйстве — чистить дворики, расставлять узкие корытца-кормушки.

— Опять кто-то все кормушки разбросал,— недовольно говорила старшая птичница.— Что вы их с места сдвигаете?

— Да мы и не трогали совсем!— оправдывались молоденькие утятницы.— Зачем нам?

— А кто же тогда? Не утки же? Им и не сдвинуть такую тяжесть!

На следующий день — тот же разговор. Девушки уж помалкивали, расставляя кормушки в одну линию, да от старшей птичницы не укроется ничего. Всё равно заметила, разворчалась опять.

Как не ворчать: сколько раз говорила — всё без толку. Сами себе лишнюю работу создают — кормушки передвигают. Когда кормушки в линию стоят, и корм сыпать удобнее. Идёшь и сыплешь. Учи их, учи, а они всё по-своему делают. А главное, никто не сознаётся.

Рассердилась, решила последить.

Начался птичий обед. Первыми, конечно, явились, как всегда, утки. За ними, с обычной медлительностью и степенностью, пришагали вразвалку гуси. Смотрит старшая птичница: и впрямь зря пробирала девушек. Гусаки идут, клювами берутся за кормушки — один за один конец, другой за другой — и передвигают.

Если очень тяжёлая окажется, нипочём не хочет сдвинуться, — они и так и сяк попробуют, приложатся клювами в одном месте, в другом, а потом возьмутся все разом и всё-таки оттащат.

Обратно пошли — снова переставляют, теперь в другую сторону. Зачем они это делают?

Хитрые гуси: под кормушками-то зерно насыпалось. Старшая птичница сердится, что кормушки разбросаны, старается, порядок наводит. А гуси, оказывается, тоже свой порядок соблюдают: зачем пропадать зерну, когда можно его съесть! Уткам его не достать, не смогут кормушку оттащить, а гуси — сильные.

Да только утки и тут не зевают.

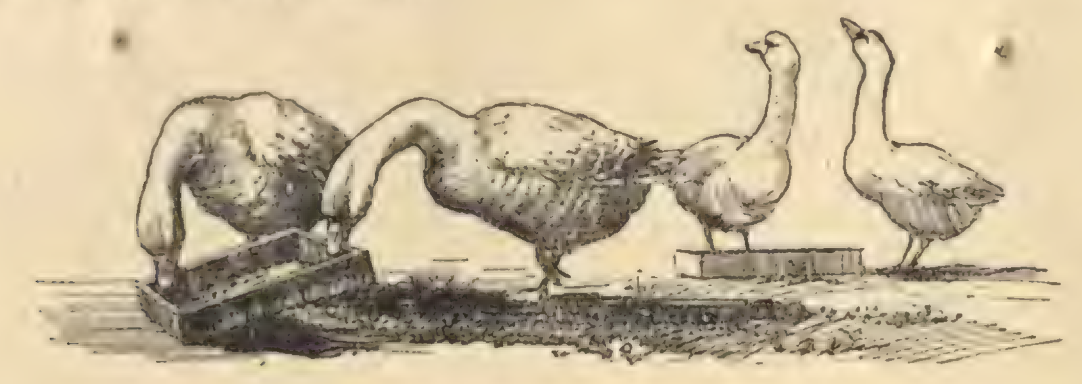
Пока гуси над кормушкой стараются, утки уж приготовились, толкутся вокруг, ждут. Чуть она сдвинулась — набросятся всей оравой, хвать-похвать, и нет зерна. Гуси за другую кормушку возьмутся — а утки снова тут как тут...

Вот почему они за гусями бегают: сообразили, что около этих красноклювых грузных птиц есть чем поживиться!

Получается: гуси работают, а утки едят.

Вот ведь какие! Они и к обеду первыми поспевают, они и около гусей ничего не упустят. Жадные!

А гуси не обижаются. Что же им — драться с утками? Да ну их. Пусть едят!

РАССКАЗЫ О ТОМ, ЧТО НАС ОКРУЖАЕТ

ЧЁРНОЕ ЗОЛОТО

Олег Коряков *Рисунки А. Немирова*

«Чёрное золото»... Как много оно значит для человека! Если представить себе невероятное: вдруг неожиданно всё оно разом исчезло. Что бы тогда случилось?

Представишь — и рисуется страшная, унылая картина.

Замерли без движения поезда на стальных путях. Своенравные морские волны качают и несут на себе, куда хотят, беспомощные громады пароходов. Самолёты — и обычные, и реактивные — не могут двинуться с места. Остановились на заводах станки, потухли доменные и мартеновские печи. Многие города и сёла погрузились во тьму: в них исчез электрический свет. Недвижимы трамваи. Замерли автомобили и тракторы. В больших домах с паровым отоплением царит холод; мороз леденит воду и рвёт водопроводные трубы... Жизнь замирает...

Что же это за чудодейственное «чёрное золото», от которого, оказывается, так много зависит в нашей жизни?

Вы, наверное, догадались, о чём идёт речь. О каменном угле и нефти.

Именно их и называют «чёрным золотом».

Владимир Ильич Ленин говорил, что каменный уголь это хлеб промышленности. Как человек не может жить без хлеба, так промышленность не может пока обходиться без угля.

Это чёрное блестящее вещество, твёрдое, как камень, обладает замечательной силой. Учёные подсчитали, что только в одном килограмме каменного угля столько силы, что ею можно поднять на высоту в несколько этажей большой кирпичный дом.

Что это за сила? Как её использовать?

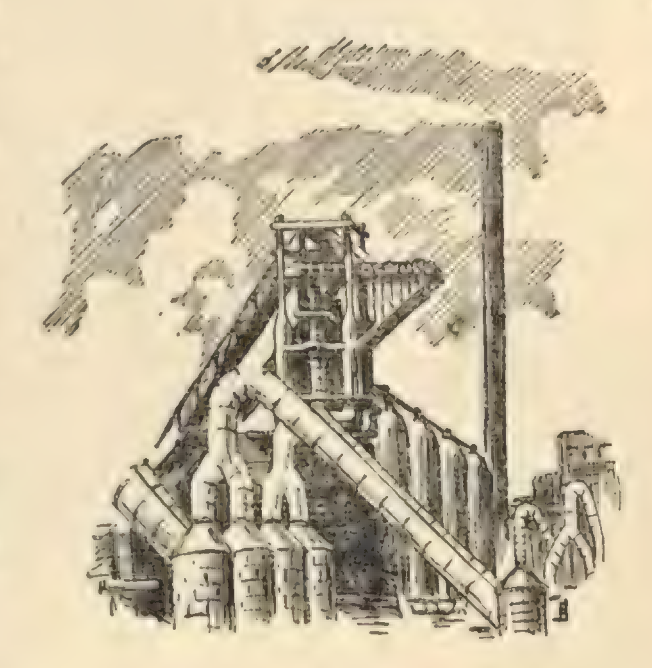
Вы знаете, что, если очень нагреть воду, она превратится в пар. А пар, как известно, может толкать поршень, вращать колёса, водить тяжёлые паровозы и пароходы.

Вот тут-то человек и использует каменный уголь. Небольшой его кусок, весом в один килограмм, способен превратить в пар целое ведро воды — 12 литров. Столько в нём скрытого жара!

Сгорая, уголь плавит руду на металлургических заводах, нагревает воду для отопления, вращает могучие турбины — машины, которые вырабатывают электричество.

Вот почему промышленность не может обойтись без каменного угля. Кроме того, люди научились использовать уголь и по-другому.

Если вы узнаете, что из него делают светильный газ — для освещения, это вас, пожалуй, не удивит. А вот знаете ли вы, что похожий на снег нафталин, которым присыпают одежду, чтобы её не портила моль, тоже приготовлен из угля? И стрептоцид, который выписывает врач, когда у вас заболит горло,— тоже. И аспирин. И сахарин. И некоторые удобрения, которые колхозники вывозят на поля.

Но уж совсем можно удивиться, узнав, что из каменного угля делают... лёд. Да, да! Сухой лёд, который лежит в ящиках-лотках всех мороженщиц и температура у которого 78 градусов мороза, сделан всё из того же угля.

Теперь вам, наверное, ясно, что каменного угля людям нужно очень много.

Земля, земные недра хранят в себе несметные запасы самых разных полезных ископаемых: металлические руды, уголь, соль, гранит, глину, мрамор, серу,— чего-чего только нет! Но больше всего из этих ископаемых люди добывают каменного угля. Каждый год на земном шаре достают из земли более миллиарда тонн угля.

Миллиард тонн — сколько это? Как себе представить?

А вот так. Представим, что весь каменный уголь, который добыт за один год, свалили в кучу. Получилась бы громадная гора. Если идти вокруг неё, нужно около часа: окружность горы больше трёх километров. А её вершина скрылась бы в облаках на высоте трех километров. Высота три километра — это двести пятиэтажных домов, поставленных друг на друга!

Миллиард тонн угля можно ещё представить себе так. Предположим, что весь он погружён в вагоны. Если составить эти вагоны в поезда, друг за другом, то они опояшут земной шар по экватору шесть раз. А если расположить их между Москвой и Свердловском, они станут в 135 линий!

Вот какое громадное количество каменного угля добывают люди. Это большой и нелёгкий труд. Ведь уголь лежит не на поверхности земли, а в глубине, под толстым слоем песка, камня, глины.

Всем известно слово «шахтёр». Это гордое, почётное слово. Так зовут тех, кто добывает уголь.

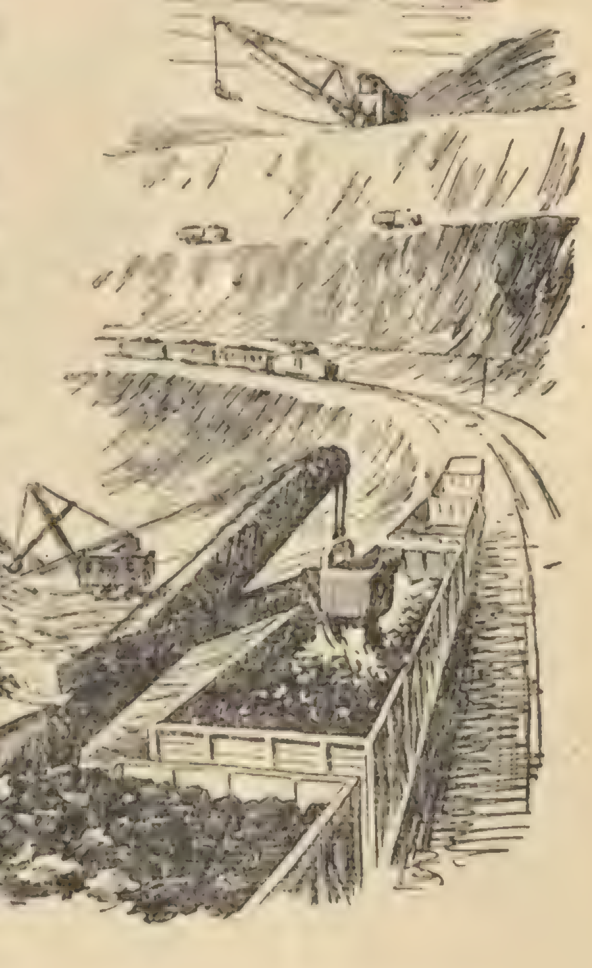
Название этой профессии, как нетрудно догадаться, произошло от слова «шахта».

Шахты — это подземные фабрики по добыче угля. На многие десятки метров уходят в землю большие широкие колодцы — шахтные стволы. А от них в разные стороны выкопаны подземные ходы, галереи.

Вы можете подумать, что там очень темно? Нет, днём и ночью там светло, почти как под солнцем: всюду горит электричество, а во многих шахтах установлены лампы дневного света.

Уже давно отошло время, когда шахтёр «рубал» уголь кайлой. В шахты пришли сложные, «умные» машины. Одна из них — горный комбайн — делает сразу три дела: врубается в каменноугольный пласт, отбивает куски угля и наваливает их на транспортёрную ленту. Эту ленту моторы тянут по подземным ходам, и она тащит на себе уголь. Потом его везут подземные электропоезда. Шахтные клети, похожие на кабины лифта, поднимают вагонетки с углем на поверхность земли.

Но не везде уголь добывают в шахтах. Например, на Урале во

многих местах это делают способом, который называется открытым.

Что это за способ?

В тех местах, где уголь залегает не очень глубоко, с поверхности земли снимают «пустую породу» — ту, в которой угля нет. А дойдут до угля — забирают его.

Вы, может быть, и сами работали таким способом, добывая, например, песок для спортивной площадки. Сначала вы срезали «пустую породу» — дёрн, в котором песка нет, выкапывали яму, выбрасывая из неё глину. А уж потом лопата врезалась в песок.

Вот так же добывают и уголь. Конечно, тут-то снять пустую породу нелегко: она идёт иногда на десятки метров вглубь. А уголь под ней тянется в длину на целые километры. Лопатой тут ничего не сделать. И опять человек берёт в помощники себе машины. Они-то и копают громадные ямы, котлованы, постепенно добираясь до угля. Эти ямы называются разрезами.

Когда стоишь на краю разреза, люди на его дне кажутся величиной с букашку. А машины — буровые станки, экскаваторы, грузовики, бульдозеры — выглядят игрушечными. Так велик разрез.

А если спуститься вниз и подойти к машинам поближе,— ахнешь: машины-то высотой с большущий дом!

Вы, конечно, слышали о знаменитых шагающих экскаваторах. Эти великаны работают и на угольных разрезах. Ковш у большого шагающего экскаватора такой, что в нём свободно помещается автомашина. Зачерпнув породу ковшом, экскаватор легко, словно пригоршню, несёт его на длинной руке-стреле и вываливает далеко в стороне.

Угольные пласты, чтобы размельчить, взрывают. Экскаваторы черпают уголь и сваливают к транспортёрным лентам. Ленты бегут, как и в шахте, и тащат на себе уголь к складам. А оттуда его развозят на поездах.

По всей стране бегут эти поезда. По всей стране, всюду нужен каменный уголь.

Почему в земле так много этого чудесного вещества? Откуда оно взялось? И если это настоящий уголь, так почему его назы-

вают каменным? Если это камень, так почему его называют углем? Почему он горит?

Все вы знаете обыкновенный уголь. Это остатки дерева, горевшего на воздухе. Часть сгорела, а часть, как мы говорим, обуглилась.

Каменный уголь — тоже остатки дерева. Вернее — многих деревьев, целых лесов. Но они не горели огнём. Они обуглились без пламени.

Как это получилось?

Началось это очень давно. Десятки, сотни миллионов лет назад. Большую часть нашей страны заливало огромное тёплое море. Людей тогда ещё не было. Не было ни собак, ни лошадей, ни медведей, ни птиц. В воде жили древние рыбы, моллюски, плавали и ползали древние раки и громадные уродливые стегоцефалы, похожие на лягуш и на ящериц. В воздухе летали крупные насекомые.

По берегам моря, в душных болотистых низинах высился густой мрачный лес. Он очень мало походил на тот, который вам приходилось видеть... Вам, наверное, встречалась в лесу красивая трава с жёсткими раскидистыми листьями — папоротник. И ещё — хвощ, нежный, бледно-зелёный, похожий на малюсенькую стройную ёлочку. Он растёт в тенистых влажных местах. Так вот, лес того далёкого времени состоял как раз из папоротников, хвощей и родственных им плаунов. Только были они гигантских размеров, как настоящие большие деревья.

Старился густой мрачный лес, подгнивали корни, деревья падали в воду. Текли медленные сотни и тысячи лет, всё больше копилось упавших деревьев. Мёртвый лес

заносило илом, песком, глиной. Под их тяжестью, без доступа воздуха, он медленно гнил и постепенно, за десятки тысяч лет, превращался в тяжёлый плотный горючий камень чёрного цвета.

Вот откуда взялся каменный уголь.

У него есть несколько «родственников». Только «родственники» эти странные: на уголь они совсем не похожи.

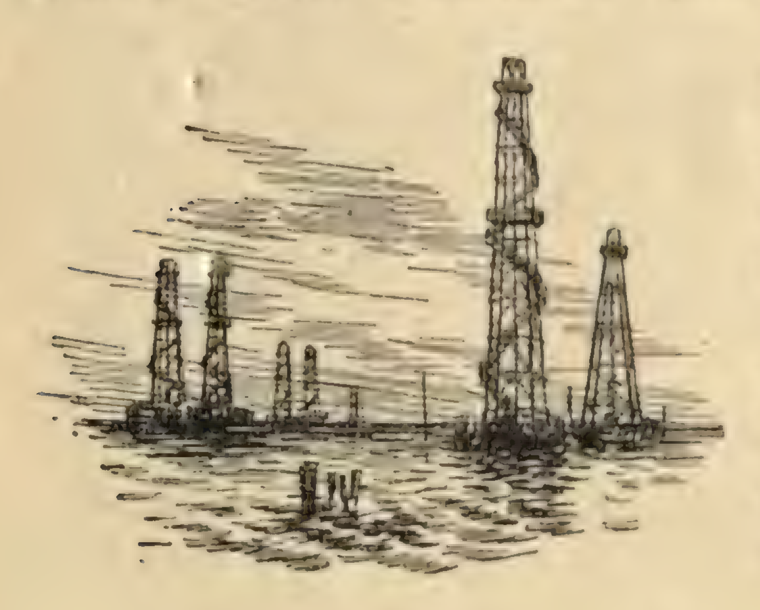
Вы слышали о драгоценных камнях — алмазах? Алмаз — очень редкий и самый твёрдый на земле камень. Его употребляют в технике, чтобы резать, сверлить и полировать другие твёрдые вещества. Отшлифованный и огранённый алмаз называют бриллиантом. Этот очень красивый прозрачный камень сверкает и переливается всеми цветами радуги.

Эти строки, прежде чем их напечатать, я писал карандашом. Конечно, и каждый из вас пользуется этим нехитрым приспособлением для письма и рисования. Карандашный стерженёк, которым выводят на бумаге чёрные линии, сделан из графита.

И алмаз, и графит — «родственники» каменного угля. Они состоят из вещества, которое называется углеродом. И каменный уголь, особенно высшего качества, почти целиком состоит из углерода.

Но самый интересный и во многом ещё загадочный «родственник» каменного угля — нефть.

Это темнобурая, иногда с зеленоватым оттенком, маслянистая жидкость. Произошла она примерно так же, как каменный уголь, и состоит в основном тоже из углерода. Как и уголь, нефть скапливается глубоко под землёй.

Чтобы добыть её, люди бурят особые скважины. Они бывают иногда глубже пяти километров!

Случается так: люди пробурят скважину — и вдруг из-под земли через эту скважину начинает бить могучий нефтяной фонтан. Нефть хлещет день

и ночь, недели и, бывает, месяцы. Вокруг такого фонтана разливаются озёра нефти.

Но чаще через буровые скважины нефть выкачивают из недр земли с помощью особых насосов.

Иногда добыть её потруднее, чем уголь. Вот, например, учёные установили, что много нефти скрыто под дном Каспийского моря. Как достать её оттуда?

Советские инженеры построили особые пловучие острова, поставили на них буровые вышки и с них стали бурить дно моря.

Раньше только в сказках особенно смелые и ловкие герои могли достать что-нибудь «со дна морского». А советские люди достают нефть не то что со дна, а из-под дна.

А потом нефть развозят по стране в специальных нефтеналивных судах, в цистернах или гонят по нефтепроводам. Нефтепровод — это сплошная труба шириной больше человеческого роста и длиной в десятки и сотни километров.

Мы с вами уже говорили об особой силе угля, о том, что один его килограмм может превратить в пар 12 литров воды. Нефть ещё посильнее. Килограмм нефти может превратить в пар 16, а вскипятить — 100 литров воды.

Из нефти делают то, без чего не могут двигаться самолёты, автомобили, тракторы и многие суда,— бензин и керосин. Из нефти же приготовляют мазут, гудрон и смазочные масла для машин. Парафин, из которого делают свечи, вазелин, которым вы мажете кожу,— тоже из нефти.

Теперь вам ясно, что и нефть очень нужна людям. Недаром её, как и уголь, называют «чёрным золотом». Иногда её зовут ещё «жидким золотом», «кровью земли».

Нефть есть не во всех странах. А нужна она всем. Империалисты стараются захватить те места, где много нефти. Для этого они идут на всякие подлости и даже организуют войны. А нефть, добытая кровью и потом простых людей, идёт опять же на подготовку войн.

В нашей стране и в странах народной демократии все богатства земли и её «чёрное золото» идут для мирного строительства, для того, чтобы жизнь стала ещё лучше, ещё краше.

ТАЙНА СТЕКЛЯННЫХ БУС

Белла Дижур

Мой друг принёс мне альбом с цветными фотографиями, на которых изображены стеклянные бусы.

Я очень обрадовалась подарку.

— Подумаешь!— рассмеётся читатель.

— Хоть бы бусы... а то всего лишь фотографии...

Но не торопись, дорогой читатель, делать выводы. Может быть, узнав историю этих бус, ты поймёшь, почему даже фотографии с их изображением радуют меня.

Что нашли на реке Мулянке

В двадцати километрах от города Молотова расположено село Гляденово. Неподалёку от этого села лет пятьдесят тому назад работали археологи. Они вели раскопки на высоком берегу реки Нижней Мулянки — одного из притоков Камы — и обнаружили здесь толстый слой земли, почти сплошь состоящий из золы и костей животных. Часть костей была сильно измельчена и пережжёна. А по уцелевшим можно было определить, что они принадлежали росомахе, рыси, бобру, оленю, медведю, свинье, барану, лошади, быку.

Рядом с костями в золе и пепле лежало множество удивительнейших вещей. Осторожно снимая один пласт земли за другим, учёные извлекали на свет немых свидетелей древней жизни человека.

Площадка, на которой велись раскопки, была обширна. Она занимала две с половиной тысячи квадратных метров. Но и вещей здесь оказались тысячи!

С замирающим сердцем археологи стряхивали многовековую пыль со своих находок, фотографировали их, упаковывали и уносили к себе в лаборатории. Предстояла огромная работа на многие годы.

Площадку эту назвали Гляденовским костищем. Здесь в течение целого тысячелетия древние жители Прикамья приносили жертвы богам.

«Богом» могла быть развесистая ель или простая деревянная болвашка, из которой грубо вытачивалось изображение фантастического существа с заострённой головой и длинным носом.

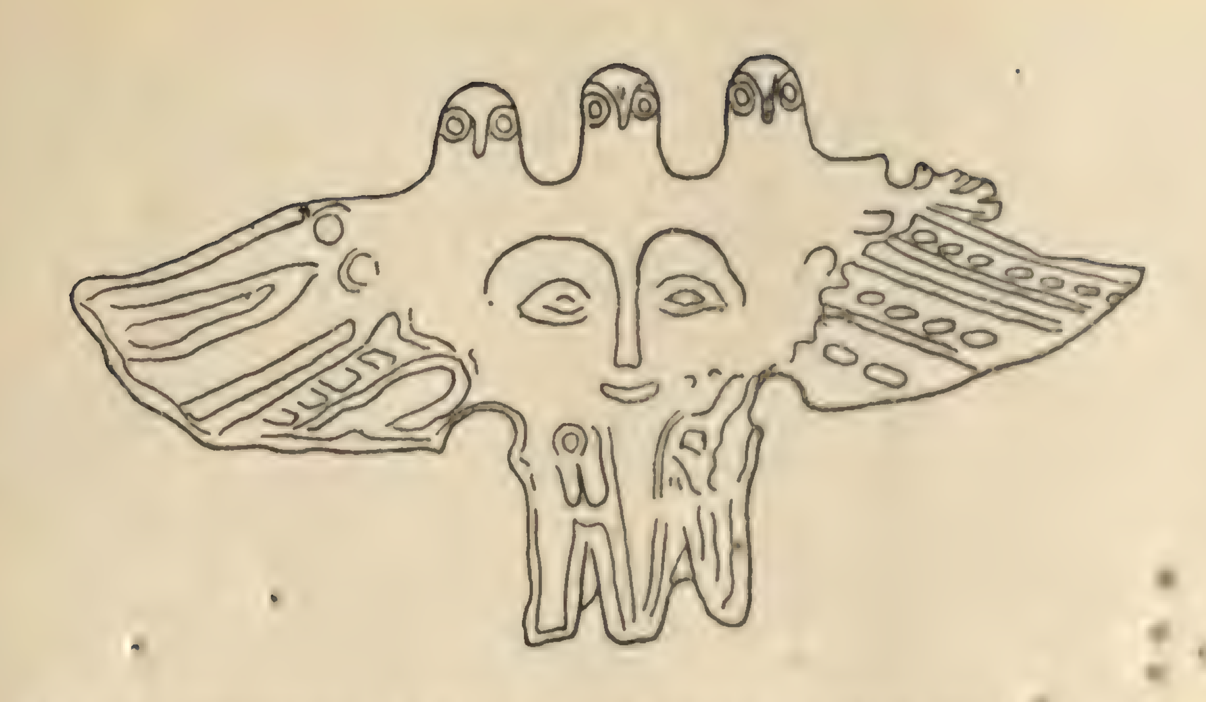
Сюда пригонялись стада оленей, баранов, быков. Здесь же неподалёку от «бога» животных закалывали. Кровью, выжатой из сердца, мазали «богу» губы; голову убитого животного вместе со шкурой вешали на ветви ближайшего дерева, а тушу варили на костре и торжественно съедали.

Совершать этот обряд собирались многие разноязыкие племена, обитавшие по берегам Камы. Деревянные болванки-идолы были требовательными богами. К их подножию складывались не только убитые животные, но и самые различные ценные подарки. Охотники приносили лучшие стрелы, которыми им посчастливилось убить медведя или рысь. Женщины развешивали на идолах свои украшения, одежду, посуду. Неплохой жертвой считались скульптурные изображения животных, птиц, людей и даже пчёл.

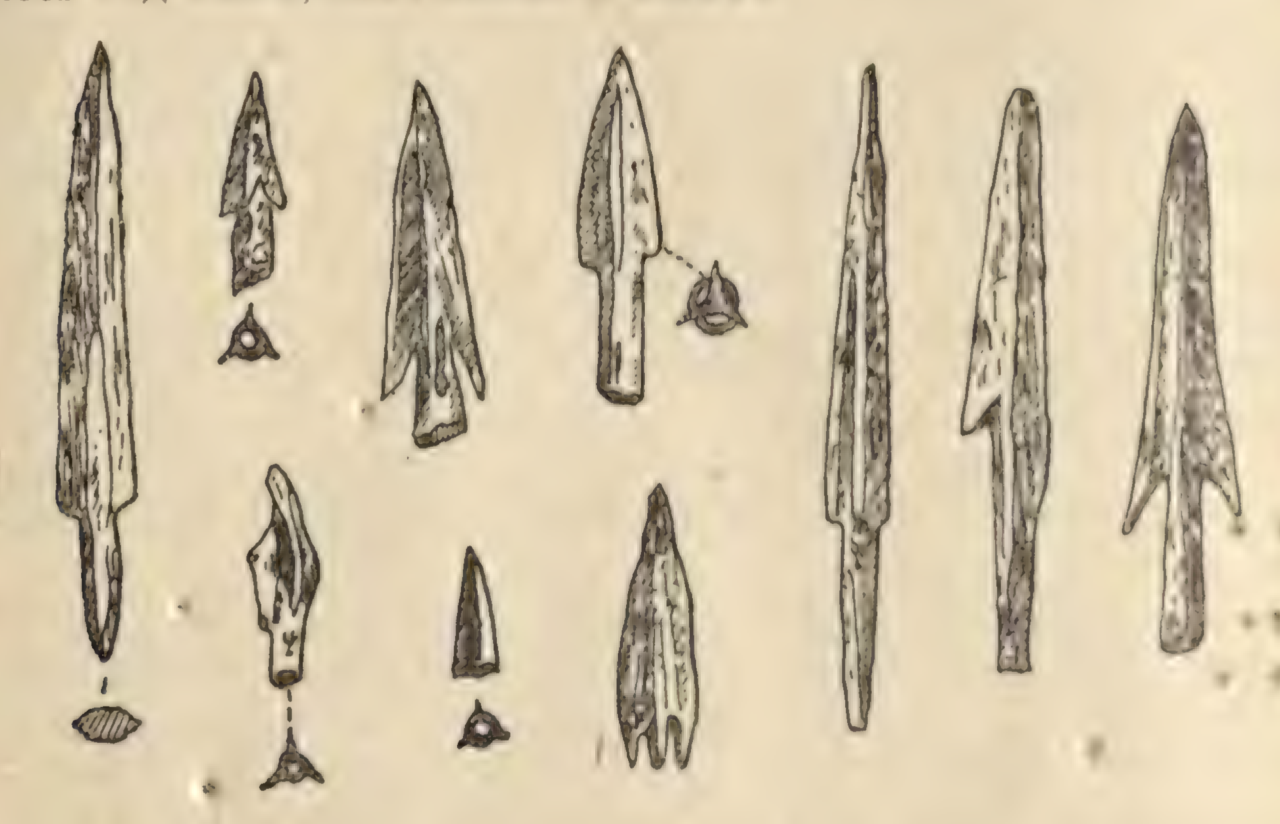
Высоко в небо поднималось жаркое пламя. Могучие сосны и тёмнозелёные ели молчаливо присутствовали на шумной трапезе.

Пламенные отсветы костра делали багровой воду Мулянки. Багровыми были и лица мужчин, одетых в островерхие конические шапки. Вооружённые колчанами, мечами и стрелами, они имели воинственный вид. Женщины, в расширяющихся книзу одеждах, с бусами на шее, с венчиками из бронзовых полушариков на голове, были нарядны.

Торжество жертвоприношения длилось несколько дней. Утомлённые, разомлевшие от крови и пищи, люди тут же засыпали или садились на коней и уезжали в своё дальнее селище.

Костёр затухал. А всё, что могло уцелеть от огня, оставалось под золой, накапливаясь веками.

Так сохранилось на Гляденовском костище девятнадцать тысяч вещей. Вот фигурка лося с правильно переданными рогами, но с мордой хищника, широко раскрытой пастью и оскаленными зубами... А вот бронзовая статуэтка медведя. На его бедре и на плече нарисованы спирали... Трёхголовая птица, на

груди у которой человеческое лицо... А вот медальон. На нём изображён волк с оскаленной пастью. На спине волка человек. У человека на ногах и руках всего по три пальца... Ещё одно изображение человека — со змеёй в руке. А вот и просто змея в виде волнистой линии с ядовито изогнутой узкой головкой. Рядом — пластинка с изображением дракона, свернувшегося в клубок... фантастические звери, человекоподобные птицы, изображения Солнца, всадников, охотников.

А какое множество стрел! Каменные, костяные, бронзовые, железные.

Долго сидели учёные, склонившись над гляденовскими находками. Надо было рассортировать всё это по векам и эпохам,

разобраться в том, что сделано местными мастерами и что привезено от соседних народов. Каждая из девятнадцати тысяч вещей была загадкой. Кто сделал её? Когда? Где?

Надо очень любить науку и очень стремиться к истине, чтобы найти точный, убедительный ответ на эти вопросы.

Сравнивая гляденовские вещи с десятками тысяч других, обнаруженных при различных других раскопках, учёные нашли их «родственников» в Сибири, на Кавказе, на Волге и в Черноморье.

Шаг за шагом прояснялась картина. Можно было установить время начала Гляденовского костища. Учёные считают, что это было пять веков до нашей эры. Может быть, дата и не совсем точна, но она даёт всё же относительное представление о сроках существования этого интересного жертвенного места.

Изучая изображения людей, которые найдены здесь, можно было представить себе одежду и облик наших древних предков. Их орудия рассказывали о их мастерстве, о том, чем они занимались. А художественные изделия — скульптуры и украшения — говорили о их верованиях, их фантазии и вкусе.

Учёные буржуазных государств всегда утверждали, что на севере России — в Прикамье, на Урале — не могло быть своей культуры. Жизнь разбила это ненаучное суждение. Археологи нашли на Урале очень древние мастерские, в которых добывали медь и железо из уральских руд. Талантливые кузнецы изготовляли стрелы, ножи, кинжалы. Художники вырезали деревянные скульптурки, делали украшения из бронзы и драгоценных камней, вытачивали или отливали бронзовые статуэтки.

Всё это относится и к находкам Гляденовского костища.

Среди девятнадцати тысяч гляденовских вещичек тринадцать тысяч бус. Большинство их сделано из стекла.

— Скажите,— спросила я своего друга-археолога,— может быть, уральцы умели изготовлять не только металлические вещи, но и стеклянные?

— Нет,— ответил он, — мы не нашли никаких следов стеклоделательных мастерских на Урале... Бусы Гляденовского костища принято считать привозными.

— А если при новых раскопках вы обнаружите такую мастерскую?

Археолог улыбнулся.

— Вряд ли... Но если обнаружим, то пересмотрим свой взгляд. А пока... Он развёл руками, словно предлагая мне в своих догадках не отступать от научной точности.

Что ж! Придётся подчиниться. Но разве стеклянные бусы от этого потеряют свою привлекательность?

Вот они лежат передо мной — фотографии этих бус — кусочков стекла, похожих то на цветную полупрозрачную каплю, то на тусклый камешек.

Большие, маленькие, удлинённые, круглые, грушевидные, с выпуклыми белыми глазками, синие, жёлтые, зелёные с узорами, чёрные, золочёные, коричневые, бархатисто-бурые, нежно-нежно-голубые...

От многовекового пребывания в земле краски их чуть-чуть поблёкли. Но это придаёт им особую таинственность.

Как давно это было!.. Сколько веков тому назад? Девушка-щеголиха далёкого племени украшала ими свою шею. Они тихонько позванивали, когда девушка танцевала. Она согревала их теплом своего тела, прежде чем отдать в жертву деревянному богу.

Это была бессмысленная и дорогая жертва. Но девушка мужественно расставалась с украшением. Она верила в могущество уродливой деревяшки, которая должна была принести ей счастье.

А какого же счастья ждала эта неведомая нам девушка? О чём она мечтала? Чему радовалась и чем огорчалась?

Может быть, её отец, мудрый охотник и следопыт, обещал достать ещё лучшее стеклянное ожерелье? Он приготовил для обмена пушистую шкурку соболя и отправился пешком к верховьям реки, куда изредка приплывают лодки соседних племён... У них-то и приобрёл отец это чудесное яркое украшение...

На дальних кораблях

Уже в самом отдалённом прошлом наши предки общались с другими племенами. Не могли этому помешать ни буйные заросли тайги, ни горы, ни суровые горные реки.

Племена обменивались не только своими изделиями, но и вещами, приобретёнными у соседей.

Так добирались до Кубани уральские бронзовые ножи, подвески для женских кос или изделия из уральского порфирита.

А на Урал проникали вещи с Кавказа, из Средней Азии, с Приднепровья и с берегов Чёрного моря. Нередко археологам попадались находки, рассказывающие и о более далёких связях.

В древнем палкинском селище под Свердловском нашли красивую чашу персидской работы. Она лежала в земле две с половиной тысячи лет, рядом с глиняными черепками, каменным кругом для добывания огня и железным ножом.

А в устье реки Чусовой хранилась статуэтка египетского бога Аммона.

Как попал египетский бог с берегов Нила на Чусовую? Сложен и долог был его путь. Он побывал и в руках греческого раба, и в сумке скифского воина, и в жилище древнего волжанина...

Путь стеклянных бус к Гляденовскому костищу был не менее длинным.

Чтобы проследить его, надо спуститься по Каме в Волгу, преодолеть большие степные пространства и попасть к северному берегу Чёрного моря. Найди на карте город Керчь. На этом месте в древности был большой торговый город — Пантикапей.

Шумно и людно в Пантикапее. Разноязыкий гомон наполняет его улицы, расположенные на горе Митридат.

Греки, скифы, сарматы, синды, меоты громко говорят, всяк на своем наречии. Приезжие купцы и мореплаватели, рабы и знатные аристократы движутся непрерывным потоком.

Целые участки города заняты зернохранилищами. Огромные суда с зерном отправляются отсюда в Афины. В порту пахнет рыбой. Золотистые осетры — любимое лакомство греков — грузят на корабли и отправляют далеко на юг.

А из Греции, из Египта сюда везут благовония и посуду, художественно расписанные вазы и стеклянные бусы.

Их привозят множество. И отсюда — из Пантикапея — их отправляют дальше на север, вверх по Волге, до берегов Камы, на Урал, к той далёкой девушке древнего племени, которая принесла своё ожерелье в жертву деревянному идолу.

В египетской гробнице

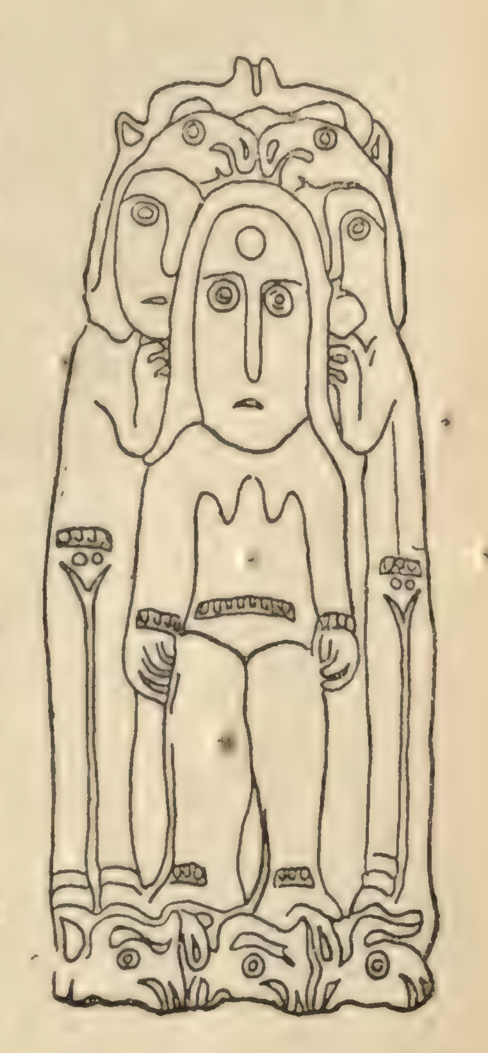
Более двух тысяч лет пролежали стеклянные бусы в золе Гляденовского костища. Срок не малый! Сколько людских поколений сменилось за это время! Исчезли с лица земли целые государства. Возникли новые. Пролегли по земле железные дороги, в небо поднялись самолёты, изобретено радио, учёные открывали новые миры, революции изменяли общественный строй, а стеклянные бусы неподвижно дремали под слоем золы рядом с бронзовыми птицами и волкоподобными лосями. Лишь яркие их краски становились чуть-чуть бледнее.

Но как бы ни были они почтенны по возрасту, у них есть пра-прародительница.

Чтоб познакомиться с ней, нам надо попасть в одну из тех гробниц, в которых хоронили древние египтяне своих фараонов.

Три с половиной тысячи лет тому назад Египтом управляла женщина. Она носила богатые шёлковые платья, золотые браслеты, серьги, в которых сверкали изумруды, рубины и алмазы. Пальцы её были украшены тяжёлыми кольцами, а на ногах сандалии с золотыми застёжками, усыпанные жемчугом.

Но больше всего любила царица своё ожерелье. Оно состояло из ярких стеклянных бус. В этом отношении вкусы её ничем не отличались от вкусов девушки уральского племени. И хотя они жили в разные века, в разных странах и одна из них была всемогущей владычицей, а другая дочерью простого охотника, — они одинаково радовались блеску стекляшек на своей шее.

Когда царица умерла, ее тело забальзамировали. Еще при жизни царицы сотни пленных рабов строили ей гробницу. Это было богатое помещение из камня и бронзы. Стены его были художественно разрисованы, а гроб сделан из чистого золота.

Все драгоценности царицы похоронили вместе с ней. Лицо её покрыли золотой маской, на голову надели серебряный венок, а на шею любимое стеклянное ожерелье.

Проходили века, тысячелетия. И вот однажды археологи проникли в древнюю гробницу. Волнуясь, вступили они в помещение, которое три с половиной тысячи лет стояло запечатанным. Им казалось, что даже воздух здесь такой же, каким дышали люди той древней эпохи. Всё, всё здесь напоминало о жизни... Вот большой ларец с платьями и бельём царицы, сосуды, на дне которых ещё хра-

нятся благовонная жидкость, пояса, пряжки, золотая обувь, засохшие цветы...

Мёртвая царица забрала с собой в могилу столько драгоценных вещей, что ими можно было бы долгие годы содержать целую деревню, её бедных рабов...

Но ни парча, ни тонкие ткани пурпурного цвета, ни изумрудные серьги не обрадовали археологов так, как простое стеклянное ожерелье.

Это были простые, довольно грубо сделанные стекляшки. Но для науки они составляли ценность гораздо большую, чем всё золото и алмазы гробницы.

Древними фигурными буквами-иероглифами на бусах была сделана надпись:

«Добрая владычица Ра-ма-ка. Любимица Афоры (богини красоты), покровительница Фив».

Была ли действительно царица доброй, была ли она красивой и действительно ли покровительствовала своему городу Фивам,— об этом мы ничего не знаем.

Но надпись на бусах оказала неоценимую услугу науке. Она помогла понять, к какому времени относится гробница, и показала, что уже в те далёкие времена египтяне знали секрет изготовления стекла.

Вот в какую даль веков увело нас путешествие, где путеводителями были маленькие стеклянные бусы.

Его можно продолжить и дальше и найти того неведомого нам талантливого изобретателя, который сделал важное для человечества открытие — изобрёл стекло.

Но это уже тема для другого рассказа.

Мишкина обида

Сказка

Ольга Калинцева *Рисунки П. Никулина*

Меховой, набитый опилками Мишка жил вместе с куклами у девочки Нади. Как Мишка к ней попал, Надя не помнила. Его никто не подарил, не купил, не принёс. Мишка всегда был среди кукол, и Наде он надоел. Она им не играла. Толкнёт ногой, чтоб не мешал,— он и валяется на полу. Но это, если мама не видит. А если мама увидит, что Мишка валяется, она обязательно его поднимет, посадит и спросит Надю:

— Почему ты не любишь Мишку?

Как будто и так не видно, почему: голова у Мишки висит на нитке, лапа порвана, глаза разные, а мех кое-где совсем облез,— вот и люби!

А мама, наверное, любит — посмотрит на него грустно и говорит:

— Всё-таки, Надя, он очень хороший, он симпатичный, а голову я ему пришью, вот только выберется у меня время.

Обычно времени не выбиралось.

Летом на заброшенного Мишку нападала моль, и мама прятала его в сундук, вместе с другими меховыми и шерстяными вещами.

— Лежи тут в берлоге, соси лапу, я тебя и снегом присыплю,— говорила она, посыпая Мишку белым, блестящим, как снег, нафталином,— ты совсем как настоящий медведь!

Должно быть, сравнение с настоящим медведем нравилось Мишке: он никогда не вырывался у мамы из рук и покорно ложился на спину. Крышка закрывалась. В сундуке было мягко, темно и тихо,— только спать. И Мишка спал.

Но в самую зиму, когда в берлогах спят настоящие лесные медведи, Мишку из сундука вынимали. Это бывало под Новый год. Всех Надиных кукол тогда приводили в порядок, красиво одевали и усаживали под украшенную ёлку. И никогда мама не забывала посадить между ними Мишку. Каждый раз она хорошо укрепляла Мишке голову, а порванную лапу перевязывала чистым бинтом,— так было красивее. Мама держала Мишку у себя на руках, перевязывала и говорила:

— Ты, Мишка, будешь сидеть под ёлкой, как настоящий медведь, только я тебе забинтую лапу. Ладно?

Если голову ещё не успевали укрепить, Мишка охотно кивал: «ладно». Остальных кукол наряжала и усаживала Надя.

Так и на этот раз. Мама усадила Мишку рядом с самой большой и красивой куклой Галей. Сидел он на белой вате, как на снегу, ветки свисали над ним, как в лесу. Как же не чувствовать себя настоящим медведем?

Да и не только Мишке хорошо под ёлкой. У всех кукол сегодня праздник. Смотрят они, как собираются к Наде гости, зная, что их никто не тронет, такой уж порядок: перед ёлкой выступают только ребята. Даже Петрушка сегодня не артист, а зритель. Ребята танцуют, поют, читают стихотворения, а куклы думают: «Ишь, как стараются для нас. Надо бы похлопать». Но не хлопают. Сидят и смотрят.

Но вот ребята разошлись. Стало тихо. Усталая, сонная Надя медленно стелет постель. Мама гасит свет в комнате, а разноцветные лампочки на ёлке продолжают гореть.

Надя ложится и смотрит, как шевелятся на ёлке яркие лёгкие фигурки бабочек и зверьков, дрожит золотой «дождик», сверкают стеклянные шарики и грибки, а орехи в серебряной бумаге и конфеты с красивыми фантиками, мандарины и яблоки медленно-медленно поворачиваются.

Ёлка кажется Наде каким-то волшебным царством. И в этом царстве живут её куклы. Сделаться бы маленькой-маленькой и пробраться к ним...

Надя закрывает глаза и сжимается в комочек. И вдруг слышит, что кто-то из кукол сказал:

— Она уже спит, можно разговаривать.

Надя замерла: «Разговаривать будут! Вот это да!..»

Из кукол говорящей была только Галя, но и она говорила одно лишь слово «мама». Понимала она, правда, почти всё на свете. Остальные куклы тоже кое-что понимали, но говорить совсем не могли. Как же они будут разговаривать?

Надя чуточку приоткрыла глаза. Этого никто не заметил, даже Петрушка, который сидел всех ближе.

Вдруг Мишка наклонился, прижал свой чёрный шершавый нос к розовой Галиной щечке и сказал:

— Я настоящий медведь!

Кукла Галя отшатнулась и крикнула:

— Мама!

Бедная кукла хотела броситься бежать, но не смогла и только со страхом глядела на Мишку. А Мишка не был страшным. Он был совсем такой же, как и раньше, только разговаривал.

Галя успокоилась и стала слушать. Прислушались и остальные куклы.

Мишка сказал:

— Когда я был новым, мною играла сама мама.

— Мама?— удивилась Галя.

— Да, мама, только тогда она была маленькая, как наша Надя, и все звали её почему-то не мамой, а Олей. Это, должно быть, чтобы не спутать: ведь у неё тоже была мама.

— Мама-мама,— повторила кукла Галя. Она хотела сказать «мамина мама», но у неё не получилось. Мишка спросил:

— Хотите, я вам расскажу один случай?

— Хотим! Рассказывай! — закричали куклы. Глаза их заблестели, они перестали шевелиться и все смотрели в Мишкин рот, хотя он был попрежнему зашит красными нитками.

Мишка начал так:

— Я всегда был очень похож на настоящего медведя. Даже взрослые говорили мне об этом: «Похож, удивительно похож». А Олин папа говорил ещё, что не купил меня, а в лесу нашёл.

— Знаем мы этот лес, в магазине на полке,— засмеялся заяц, но кукла Галя дёрнула его за ухо, и он умолк.

Мишка продолжал:

— Стать настоящим медведем и жить в лесу, вот чего я хотел больше всего на свете. Жилось мне у Оли хорошо. Оля нас берегла, руки или лапы не дёргала, как другие дети.

— Надя дёргает,— сказал маленький пупсик совсем тихо. Он стоял позади всех, так что видна была только его крошечная розовая головка. Его нарочно поставили подальше, чтобы не видно было, что у него совсем нет ручек.

«Скорее бы утро,— подумала Надя,— найду и приделаю ему ручки. Кажется, они были под шкафом. И поставлю его впереди, он ведь маленький». «Я тебе штаники сошью»,— прошептала она, но пупсик не слышал. Он слушал Мишку.

— Оля меня очень любила,— говорил Мишка,— и чаще других брала на руки. Она даже целовала меня иногда в нос...

Все куклы взглянули на Мишкин облезший кожаный нос и очень удивились. Мишка застеснялся и опустил голову. Потом он вздохнул и продолжал:

— Я жил у Оли много лет и всё время был как новый. Вот какая была девочка! Но девочки почему-то растут... А, вспомнил! Они ведь едят. Мы, если б ели, тоже бы росли. Выросла Оля и перестала играть в куклы. И вот решила она всех нас подарить маленькой девочке Тане. Я сидел на столе и видел, как Оля брала кукол по одной, с каждой понемногу разговаривала и укладывала их в ящик. Мне очень захотелось поиграть

с нею, и я нарочно свалился со стола. Оля подняла меня и говорит: «Эх, ты, неуклюжий, как настоящий медведь!» — и положила меня тоже в ящик.

И вот мы у новой хозяйки.

Таня сама, как кукла: маленькая, с бантом и делать ничего не умеет. Нам она, конечно, обрадовалась: хватала всех, смеялась, бегала с нами по комнатам. Мы тоже ей улыбались, кто умел, пока не заметили, что ухо у нашего зайца уже надорвано, у куклы Кати потерялся башмачок, а Петрушка, которого мы все очень любили, попал под дверь, и его никто не спасает. Тогда мы поняли, что Таня плохая хозяйка, и нам стало грустно. А Таня схватила нас и, не завернув, понесла во двор. Куклы растрепались, стали сердитыми.

Вдруг выбежала ещё девочка с большим новым мячом в сетке.

Таня свалила нас в угол песочницы и бросилась играть в мяч.

Ветер согнал низкие тучи, они закрыли солнце. Пошёл дождь. Дети разбежались по домам, а мы лежали, мокли, портились. Вышла Танина мама. Недовольно глядя на нас, она собрала всех в свой грязный фартук и унесла в дом. В кухне она, как картошку, высыпала нас в угол, отведённый для Таниных игрушек. Кто упал лицом вверх или сумел сесть,— стал осматриваться. Танины куклы лежали кругом — порванные, разбитые, грязные.

Я сидел и обдумывал, как убежать. А тем временем Танина мама убирала со стола.

— Опять тряпки нет,— говорила она, суетясь,—ну, чем вытереть стол? Тряпки у нас прямо кто-то поедает.

Вдруг она открыла наш кукольный комод, схватила два Катиных платья — голубое и беленькое — и ну ими вытирать стол. Я отвернулся. Оля ведь шила эти платья сама, старалась... Ночью спать нам не давали мыши. У Оли мышей никогда не было, и наши куклы их боялись. Утром Таня опять вынесла нас во двор, хоть ей и сказали, что там грязно после дождя.

Ребят во дворе не было. Тане сразу стало скучно стоять и держать нас в руках. Я упал в траву и притаился.

Она и не заметила, что меня нет. Ушла в дом.

«Далеко ли до леса?»— подумал я и хотел приподняться, но тут на меня с лаем набросилась чья-то собака. Она укусила меня за лапу, отскочила и опять кинулась. Я подумал: «Был бы я настоящим медведем, я бы тебе показал, как кусаться». Но тут раздался сильный треск, всё потемнело, и мысли мои оборвались, а голова покатилась прямо к калитке. Одним глазом я ещё успел заметить, что в калитку входила Оля, а другим ничего не заметил, другой глаз остался в траве... Очнулся я уже с пришитой головой, на руках у Оли и у неё дома.

Оля пришила мне новый глаз, заштопала лапу и сказала:

— Ты, Мишка, у меня герой, дрался, как настоящий медведь. Теперь я тебя никому не отдам.

И не отдавала: любила меня.

А вот её дочка Надя меня почему-то не любит...

Мишка замолчал и опустил свою курчавую тёмную голову.

Начиналось утро. Свет маленьких лампочек померк, затаился.

Вошла мама и выключила лампочки.

Надя проснулась и сказала:

— А мне сегодня приснился Мишка, и такой он хороший!..

— Ну, конечно, хороший! Ведь это была моя любимая игрушка,— ответила мама.

С этого дня Надя полюбила Мишку, стала шить и стирать куклам платья и ремонтировать свои игрушки.

Зелёные ведёрочки

Елена Нестерова — *Рисунки А. Артемьева*

Настя и Оля дружили. Все дни они проводили вместе, плели венки из цветков на полянке, играли в камешки и охраняли желтоголовых цыплят от налётов злого коршуна.

Когда Насте исполнилось семь лет, родители купили ей детские зелёные ведёрки и коромысло. Она ходила по утрам с мамой к речке за водой.

— Приучайся носить воду,— говорила мама.

Оле тоже захотелось иметь ведёрки. И Олина мама ко дню рождения купила Оле точь-в-точь такие же. Оля очень обрадовалась этому подарку и побежала, приговаривая:

Новые ведёрочки звенят, бренчат,
Будто сами к берегу бежать хотят...

Оля спустилась к речке со своей подружкой. На берегу стояла развесистая ива. Хорошо было в жаркую пору под её тенью. Девочки искупались в речке, а потом набрали воды.

Оля сначала по нескольку раз в день ходила за водой. Но потом начались дожди, речка потемнела и перестала манить к себе, и Оля забросила тогда ведёрки в угол за печку.

— Когда вырасту, я сразу начну носить воду большими вёдрами,— решила она.

Настя же попрежнему ежедневно ходила к реке. Через год ей купили вёдра побольше.

Время шло, и девочки выросли.

Мать Насти перестала ходить за водой, эту работу за неё уже делала дочка.

Оля никогда не ходила за водой. Но однажды мама заболела, и Оля пошла вместо неё.

Девочка зачерпнула полные вёдра воды, подняла их, но как только коромысло легло ей на плечи, она сразу же согнулась под непривычной тяжестью.

В это время к речке сбежала по зелёному склону Настя. Она также зачерпнула полные вёдра воды и потом стала подниматься в гору. Её вёдра словно плыли по воздуху, а Настя, казалось, налегке шла вслед за ними.

У Оли же при ходьбе дрожали ноги, вёдра раскачивались из стороны в сторону, и вода плескалась из них на землю.

— Надо было начинать с маленьких ведёрок,— сказала ей Настя.— Да и привычка нужна.

И тут только Оля поняла, что сразу никакое дело не удаётся.

С той поры всякий раз, когда Оле хотелось чему-нибудь научиться, она вспоминала историю с детскими зелёными ведёрочками и упорно добивалась своего.

Леонид Куликов *Рисунки П. Никулина*

Воробей,
Воробей —
Тоненькие ножки.
Прыг да прыг —
Напрямик
Скачет по дорожке.
Воробей,
Воробей,

Подлети к окошку!
Я отдам
Воробьям
Зёрнышки и крошки.

Леонид Куликов **Рисунки П. Никулина**

Серый гусь пошёл к реке,
Перепачкался в песке,
Отмывался три недели,
Даже лапки покраснели.
Не страшна ему вода,
Не утонет никогда.
На земле ему похуже,
Он шагает неуклюже.

Леонид Куликов *Рисунки П. Никулина*

Через плетень глядит козёл,
Глядит на зелень грядок:
— Уж я бы грядки прополол,
Навёл бы там порядок.
Горох заглох, салат засох,
А там чеснок свалился с ног...
И огурцы не молодцы,—
А я бы всё поправить мог!..
Хозяйка с тяпкою пришла
И лейку захватила.
Но деловитого козла
На грядки не пустила.

Догадливый воробей

Виктор Стариков *Рисунки Б. Неткачева*

Утром, когда горожане ещё спали, я гулял по бульвару, окружённому высокими каменными домами. В конце бульвара лежит маленький чистенький пруд, похожий на зеркало в траве.

Над прудом летал воробей. Вёл он себя странно — коснётся воды и тотчас испуганно взлетит, не покидает одного места, словно там тонет товарищ, которого надо спасти. Я сел на скамейку.

Воробей прилетел на берег и запрыгал нетерпеливо. Вновь полетел к тому же месту, почти коснулся воды, но, испугавшись волны, взмыл в воздух.

Это повторялось несколько раз.

Воробьи — сухопутные птицы, любят купаться в пыли дорог, катаются в ней серыми комочками. От дождя стараются укрыться под карнизами крыш.

Что же этого тянуло к воде? Я всмотрелся.

На волне покачивалась мёртвая стрекоза. Большие крылья не давали ей утонуть. За этим лакомством и охотилась сухопутная птичка.

Я подумал, что у воробья рядом, наверное, гнездо, населённое большим семейством. Надо накормить голодных птенцов.

Волны мешали охоте. Кажется, охотник вот-вот схватит насекомое. Очередная волна накатывается ему навстречу. Напуганный воробей взмывает вверх и несётся к берегу, снова бросается к воде. Чем это кончится?

Надо торопиться. Рядом вьются быстрые ласточки. Они не боятся воды, смело касаются её грудками. Унесут из-под носа воробья стрекозу.

Воробей прыгает по песку, останавливается, вытягивает шейку, ерошит перья, с воды глаз не сводит. Берега он больше не покидает. Убедился, бедняга, что ему не завладеть стрекозой? Но нет, видимо, сил и отказаться от неё.

Ветер дует в нашу сторону. Волны несут стрекозу к берегу.

Неужели охотник догадался об этом?

Стрекоза приближалась. Воробей прыгал всё нетерпеливее.

Новая волна набежала на берег, откатилась и оставила стрекозу на песке. Ласточка прочертила над ней воздух.

Опоздала!

Наш воробей с добычей в клюве вспорхнул на дерево, положил на сучок тяжёлую ношу, перехватил поудобнее и полетел к ближайшему дому.

Какой, наверное, радостный переполох поднялся в воробьином семействе!

Молодец, догадливый воробей!

Жадные Мышки

Сказка

Филипп Цветаев

Где живут мыши? В норе, под полом. Слышите, как они там бегают?

В норке пятеро мышат
Суетятся и пищат.

Пока вы прислушиваетесь к их писку, мы узнаем, что у них случилось.

Оказывается, их старшая сестра ушла ещё вчера, но до сих пор не вернулась. Правда, они теперь все взрослые — каждому от роду больше месяца — и сами уже умеют пищу себе добывать. Но им, конечно, труднее без старшей сестры. Да и голодно стало. А отец не пускает из норы, говорит:

— Наверное, хозяева принесли молодого кота, он и сцапал сестру. Говорил я ей: «Не ходи, сам еду́ приносить буду». Да разве она послушается? Всё ей мало было, жадная... Вы-то уж такими не будьте!..

Но голодные мышата всё чаще стали поглядывать на узенькую щёлку, через которую вчера их сестра пробралась в кухню. О, как там хорошо! Хозяйка всегда оставляет про-

дукты незакрытыми: или на окне в кастрюльках, или на столе в тарелках. Мышата, радостно визжа, поедали остатки, а потом наперебой хвалили хозяйку: «Какая она щедрая! Какая она добрая». А отец смеялся над ними: «Глупые вы, мышата. Эта хозяйка вовсе не щедрая, а ленивая: ей лень во-время вымыть посуду или проследить, чтобы продукты были хорошо прикрыты. В общем, она лентяйка, но для нас это очень даже хорошо».

Отец вообще любил поучать мышат. Часто он напевал им страшную песенку:

Тихо, не пищите
До поры!
Днём не выходите
Из норы!
В кухне кот гуляет,
Вас подстерегает!

Чтобы казаться строгим, отец пытался петь басом, но у него это не получалось. Голосок его становился таким же тонким

и визгливым, как у мышат. Потому они не очень пугались, снова из щели выползали в кухню, наедались досыта и ловко увёртывались от ленивых преследований старого кота.

Но сегодня отец никуда из норы не выходил сам и мышат не выпускал.

— Пусти, пусти!— визгливо просили мышата.

— Я вот вам!— угрожающе прикрикнул на них отец басом, но сразу же перешёл на писк: — Сидите все на месте! Сказано: не смейте высовываться! Сейчас сам схожу, выясню всё!..

Было уже ясное утро, когда он сквозь щель в полу осторожно пролез в кухню. Быстро скользнул он под ящик с картошкой и встретил там старую мышку-соседку.

— Не знаешь ли, соседушка, что тут случилось?— спросил он.

— Как не знать?— ответила соседка.— Мышку твою кот поймал. Натворила она тут!.. Мало ей было крупы, что хозяйка по полу рассыпала, так она забралась в кулёк с крупой; да ещё наследила... Хозяйка оставила на столе мешочек с сахаром, а мышке твоей мало показалось рассыпанного на столе сахара, так она прогрызла мешок, сахар струёй посыпался на пол. Правда, тогда и я полакомилась... А потом она за колбасу взялась. Всю ночь разные продукты грызла.

— Как же ленивый кот мог её поймать?

— Её и ловить не надо было, сама попалась. Жадная она была. До того нажралась, что в щель пролезть не смогла. Голову всунула и застряла. Тут её кот и схватил.— Соседка тихо вздохнула и добавила: — Из-за неё теперь нам всем худо будет...

— Это почему же?

— А потому, что в дом вчера приехала строгая старуха. Хозяин её Тёщей называет. Поднялась эта Тёща на рассвете, стала завтрак готовить да и увидела, что мышка твоя натворила. Расшумелась Тёща, кричит: «Да как можно было допустить, чтобы мыши так безобразничали! От них ведь всякими болезнями заразиться можно! Сегодня же достану молодого резвого кота. А пока я мышеловки расставлю!»

— Да... Плохо наше дело. Даже грязной тарелки нет на кухне сегодня. И всё-таки там пахнет сыром!

— Верно,— ответила соседка.— Только сыр тот в мышеловке...

— Что ж, попробую снять...

— Вот видишь,— заметила соседка,— не научила тебя жадность мышки твоей. Сам жадничаешь, за сыром полезть хочешь.

— Да я не из жадности. Мне рисковать надо. Сниму сыр с крючка — мышат накормлю, а не сниму — сам в капкан попаду...

На этот раз ему удалось ловко снять приманку с крючка. Мышата встретили своего отца с визгом и стали жадно поедать сыр.

— Ешьте,— сказал им отец,— да больше в кухню не вылезайте. Там Тёща появилась, она молодого кота притащит в квартиру. А пока мышеловки расставила, попадётесь вы в них сразу. Построю я нору в сарае, переберёмся туда... А всё эта жадная мышка натворила. Из-за неё и нам теперь житья не будет.

Но мышатам вовсе не хотелось перебираться в сарай, где нет таких вкусных вещей, как в доме. Двое из них не пошли с отцом. Они были жадные, как их старшая сестра. Они решили так же, как она, грызть и портить продукты в тёплом доме. И мы не знаем: попались они или бегают ещё в норе под полом. Давайте прислушаемся.

Дуся считает

(Считалочка)

Геннадий Сурсяков *Рисунки В. Яковлева*

Раз,
два,
три,
четыре,
пять...
Дуся учится считать.
Сосчитала Дуся:

Поросят и гуся,
Брата и сестрёнку,
Сколько лет телёнку...
На коровку Милу
Пальцев не хватило.
— Не мычи, корова,
Сосчитаю снова!..

КНИЖНАЯ ПОЛКА

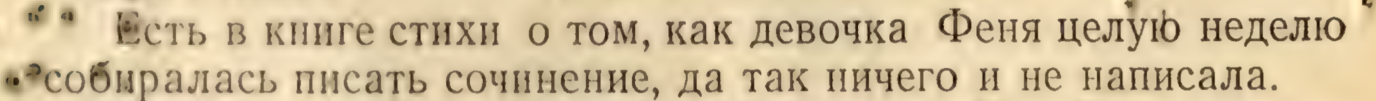
ПРО ЕГОРКУ И ПРО ПЯТЁРКУ

Так назвал сборник своих стихов Лев Сорокин, свердловский поэт. В них он рассказал про хороших и плохих, прилежных и ленивых учеников.

Один мальчишка воображал из себя матроса. Ходил он не иначе, как вперевалку, носил полосатую тельняшку, рисовал якоря и мечтал бороздить моря и океаны на огромнейших кораблях. Все ребята ему завидовали! Но вот на уроке географии мальчишку вызвали к доске.

«Он указку сжал в руке
И стоит краснея...
Не ответив на вопрос,
Грустный сел за парту:
Моря Чёрного «матрос»
Не нашёл на карте!»

Значит, мало одного желания стать матросом. Нужны ещё и знания.

Есть в книге стихи о том, как девочка Феня целую неделю собиралась писать сочинение, да так ничего и не написала.

Обязательно прочитайте, ребята, книгу «Про Егорку и про пятёрку».

ШАХТЁРСКИЙ МУНДИР

Свердловский поэт Е. Ружанский перевёл на русский язык стихи украинского поэта Грицко Бойко «Шахтёрский мундир».

Сборник знакомит нас с жизнью украинских ребят.

Как и все ребята нашей страны, они учатся, помогают взрослым, отдыхают, путешествуют, мечтают о будущем, играют.

В стихотворении «Мечта» мальчик рассказывает другу о своём дедушке-отбойщике, который управляет в угольной шахте комбайном.

За отличный труд дедушка награждён орденом Ленина. Мальчик гордится дедом и мечтает, когда закончит школу и вырастет, стать «таким, как мой дедусь».

А вот дети помогают взрослым:

«Мы сжигаем листья —
И густым
Облаком по саду
Вьётся дым.
Он обвил деревья,
Чтоб с ветвей
Вытравить бы гусениц
Скорей.
Чтоб вокруг всё буйно
Расцвело,
Чтоб червивых яблок
Не росло».

Стихотворение «Маринка и Галинка» рассказывает о двух ленивых девочках:

«Сегодня Маринка
Уроков не знала,
Задание в классе
У Гали списала»

Дома Галинке не хочется готовить уроки, и она решает списать их у Маринки:

«Сегодня Маринка
Моё всё списала.
Чего ж я задание
Делать спешу?
Урок у Маринки я завтра спишу!..

На другой день в школе выясняется, что девочки обе не приготовили уроков, понадеявшись друг на дружку.

«Наталья Петровна
Подружек спросила
И двойку одну
На двоих разделила».

Подробнее о жизни украинских ребят вы узнаете, прочитав стихи «Шахтёрский мундир» Грицко Бойко.

ПО СЛЕДАМ

Чтобы стать охотником, нужно уметь стрелять, быть смелым, терпеливым, настойчивым и наблюдательным.

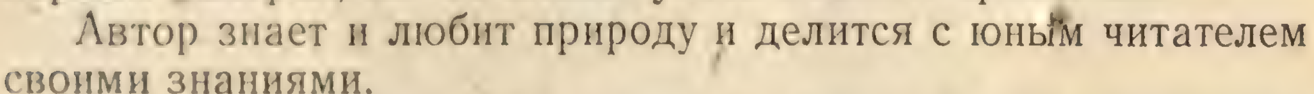

Много часов подряд преследует охотник ценного зверька. Он читает его следы на снегу, на деревьях и «берёт зверя».

Паренёк мечтает стать смелым разведчиком и готовится к этому. Во время охоты на глухаря он так маскируется, что незамеченным подползает к токующей птице...

Сделать первый выстрел очень трудно. Серёжка идёт с дедушкой на охоту. Дедушка учит внука быть «зрячим» в лесу, рассказывает ему о зверях, об охоте, о своих промахах на охоте.

На заре Серёжка подкрадывается к поющему глухарю, поднимает ружьё, чтобы сделать первый выстрел, и... не может убить лесного красавца...

Автор знает и любит природу и делится с юным читателем своими знаниями.

Прочитав книжку «По следам» Б. Ярочкина, ребята почерпнут из неё немало интересного и полезного для себя.

Все эти книги выпущены Свердловским книжным издательством в 1955 году.

ШАРАДЫ

1. Слог первый восклицание,
Второй — достоин порицания,
А всё — на севере далёком обитает
И жителей тех мест и греет и питает.

2. Три буквы облаками реют,
Две видны на лице мужском.
А целое порой белеет
«В тумане моря голубом».

3. Слог первый — есть сосновый лес.
Если числительные знаешь,
Ещё два слога отгадаешь,
А с восклицанием прочтёшь —
Так место битвы ты найдёшь.

4. Первая цифра стоит в середине,
Буква с начала и буква с конца,
В целом — леса, города и равнины,
К целому полны любовью сердца.

ЗАДАЧИ-ШУТКИ

1. Скажите сразу, что больше — сумма этих цифр: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0 или произведение их?

2. Что было «завтра», а будет «вчера»?

3. Одного человека спросили:

— Сколько вам лет?

— Порядочно, — ответил он. — Я старше некоторых своих родственников в шестьсот раз.

Может ли это быть? Как вы думаете?

4. У меня сестёр и братьев поровну. А у моей сестры вдвое меньше сестёр, чем братьев. Сколько нас?

5. В корзинке три яблока. Как поделить их между тремя девушками так, чтобы одно яблоко осталось в корзинке?

6. Какие два числа в сумме составляют 55, при этом одно из них больше другого на 50?

7. Произведение каких трёх чисел равно их сумме?

ИЗ ТРЕХ ДВА

0 0 0

Как из этих трех нолей сделать два, ничего не зачёркивая?

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Числа от одного до шестнадцати следует переставить в клетках квадрата так, чтобы сумма чисел по горизонтали, по вертикали, по диагонали и по углам равнялась тридцати четырём.

1	2	3	4
5	6	7	8
9	10	11	12
13	14	15	16

СМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО!

Отыщите на рисунке 25 предметов, названия которых начинаются с буквы «л».

ЛЕСТНИЦА

Заполните словами (именами существительными в единственном числе) «ступеньки» этой «лестницы» (рис. 1, 2), заменив чёрточки буквами.

У

У—

У— —

У— — —

У— — — —

У— — — — —

У— — — — — —

У— — — — — — —

У— — — — — — — —

У— — — — — — — — —

У— — — — — — — — — —

У— — — — — — — — — — —

Рис. 1.

Д

Д—

Д— —

Д— — —

Д— — — —

Д— — — — —

Д— — — — — —

Д— — — — — — —

Д— — — — — — — —

Д— — — — — — — — —

Д— — — — — — — — — —

Д— — — — — — — — — — —

Рис. 2.

Вам придётся подобрать слова с таким расчётом, чтобы в каждом следующем слове было на одну букву больше, чем в предыдущем. Кроме того, все слова, которые вы напишете, должны начинаться в первом случае с буквы «у», во втором случае с буквы «д».

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ „В ЧАСЫ ДОСУГА“

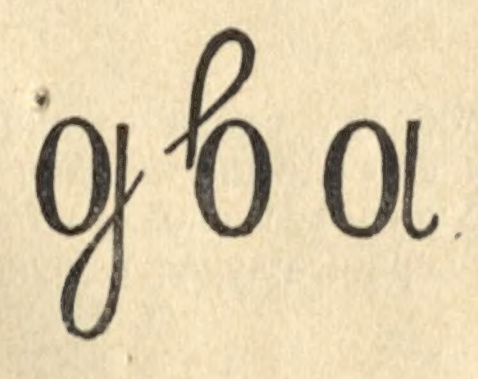
Шарады

1. О-лень.
2. Пар-ус.
3. Бор-один-о.
4. Р-один-а.

Задачи-шутки

1. Сумма цифр будет больше, так как при умножении в числе множителей будет ноль, а следовательно, и произведение будет равно нулю.
2. Сегодняшний день.
3. Так бывает очень часто. Если деду 50 лет, а внуку 1 месяц, то дед в этом случае старше внука ровно в 600 раз.
4. Всего семеро: четыре брата и три сестры. У каждого брата — три брата и три сестры; у каждой сестры — четыре брата и две сестры.
5. Одно яблоко нужно отдать вместе с корзиной.
6. 52,5 и 2,5.
7. $1 \times 2 \times 3 = 6 \quad 1 + 2 + 3 = 6$.

Из трёх два

Математический квадрат

15	10	3	6
4	5	16	9
14	11	2	7
1	8	13	12

Смотри внимательно!

Лягушка. — Лента. — Лошадь. — Лейка. — Лом. — Лопата. — Ландыши. — Лопухи. — Лупа. — Лампа. — Лапти. — Лес. — Лавка. — Лужа.— Ложка.— Ласточки. — Лицо. — Локоть.— Ларь.— Луг.— Лук.— Линейка.— Лестница.— Лодка.— Лещ.

Лестница

Возможные решения:

У	Д
Ум	До
Уха	Дым
Узор	Доля
Улица	Доска
Упадок	Доктор
Удилище	Дружина
Упаковка	Достаток
Усталость	Двигатель
Упражнение	Доброволец
Удалённость	Достоинство
Употребление	Длительность

СОДЕРЖАНИЕ

В. Шустов. «Карфагена» не будет! *Главы из повести* . . 3
Е. Ружанский. Модельный цех. Формовка. *Стихи* . . . 33
О. Корженёвская. Две подруги. *Рассказ* 37
К. Прокопенко. Звонок. *Стихи* 49
Л. Фёдоров. Зелёная шкатулка. *Рассказ* 51
Л. Татьяничева. Петина болезнь. *Стихи* 56
Б. Ярочкин. Охота с музыкой. *Рассказ* 58
П. Корноухов. Смытое пятно. *Рассказ* 64
Н. Садовый. Как я грамматику повторял. *Рассказ.* Вылечился. *Стихи* 72
Н. Сёмин. Старший тренер. *Рассказ* 76
Г. Бойко. Про Андрейку-неумейку. *Стихи (перевод с украинского)* 83
Б. Рябинин. Хитрые гуси. *Рассказ* 87

Рассказы о том, что нас окружает

О. Коряков. Чёрное золото. *Очерк* 90
Б. Дижур. Тайна стеклянных бус. *Очерк* 98

Для малышей

О. Калинцева. Мишкина обида. *Сказка* 107
Е. Нестерова. Зелёные ведёрочки. *Рассказ* 113
Л. Куликов. Воробей. Серый гусь. Козёл. *Стихи* . . . 115
В. Стариков. Догадливый воробей. *Рассказ* 119
Ф. Цветаев. Жадные мышки. *Сказка* 121
Г. Сурсяков. Дуся считает. *Стихи* 125

Книжная полка 127

В часы досуга 130

Ответы к разделу «В часы досуга» 134

«Боевые ребята» № 24

Редактор *И. Круглик*

Обложка художника *В. Васильева* Художественный редактор *В. Квитко*
Технический редактор *Л. Носова* Корректор *Н. Лузина*

Подписано к печати 3/VII 1956 г. Уч.-изд. л. 7,72. Бумага 70×92/16—4,125 бумажного—9,94 печатного листа. НС16181. Тираж 25000. Заказ 81. Цена 4 р. 10 к.

Типография издательства «Уральский рабочий».
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

4 р. 10 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1956